D 20/256

ИЗЪ
БИБЛІОТЕКИ
А. Н. НЕУСТРОЕВА
№ 1363. 01353.
Въ Петергофъ.

ОСНОВАНІЯ ВСЕОБЩАГО НРАВОУЧЕНІЯ,

ИЛИ

КАРТИНА ДОЛЖНОСТЕЙ ЧЕЛОВѢКА,

Разсматриваемаго во всѣхъ его отношеніяхъ.

Сочиненіе Г. Бертранда, Члена многихъ Европейскихъ Академій.

СЪ Французскаго перевелъ

Илья Грѣшищевъ.

МОСКВА,
Въ Университетской Типографіи,
у Ридигера и Клаудія.
1796.

Vis ad recte facta vocandi, et a peccatis avocandi non modo senior est, quam aetas populorum et civitatum, sed aequalis illius, coelum atque terras tuentis et regentis Dei. Cicero de legib. II. 4.

То есть:

Сила взывающая къ добродѣтели, и отвращающая отъ пороковъ, не только древнѣе всѣхъ народовъ и обществъ, но современна оному, небо и землю хранящему и управляющему Богу. Цицеронъ о законахъ кн. II. гл. 4.

RFID 2018550837

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.

13284-0

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ сію книгу, подъ заглавіемъ: *Основанія всеобщаго нравоученія, или Картина должностей человѣка*, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. — Логики и Метафизики Профессоръ и печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ Цензоръ,

Андрей Брянцевъ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

Отъ Издателей Французскаго подлинника.

Мы просили Сочинителя сдѣлать сокращеніе нравственнаго любомудрія, писаннаго имъ для своего употребленія, и читаннаго нами въ Ивердонской Энциклопедіи, въ краткой статьѣ о нравоученіи. Это есть одно изъ наилучшихъ и самыхъ интереснѣйшихъ мѣстъ XXIX Части сего великаго творенія. По снисхожденію славнаго сего Автора мы достали въ свои руки сей небольшой опытъ, и выпуская

его въ свѣтъ, надѣемся произвести полезное дѣло. Въ немъ находятся твердыя начала, превосходный способъ доказыванія, явственный порядокъ и повсюду точность и ясность, сродныя его дарованіямъ. Почему мы воображаемъ, что не учинимъ излишнимъ такого роду сочиненіе, когда оно столь основательно, разумно и полезно.

Декабря
1810. года .15. дня
сдана сію книгу.
Иванов Ивановъ.
въ знак[illegible]
вами в руфобы.
Пове. Гарнизо

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА I.

Введеніе ко всеобщему нравоученію.
Предварительныя понятія.

Стран.

ГЛАВА I. *О всеобщемъ нравоученіи, о обширности и различныхъ онаго частяхъ.* - 1

ГЛАВА II. *О существованіи Божіи и его свойствахъ.* - 13

Отдѣл. I. *О существованіи Божіи.* —

Отдѣл. II. *О Божескихъ свойствахъ.* - - 19

ГЛАВА III. *О человѣкѣ.* - 28

Отдѣл. I. *О душѣ.* - —

Отдѣл. II. *О чувствованіяхъ человѣка.* - 36

Отдѣл. III. *О совѣсти и ея узаконеніи или уставѣ.* - 40

Отдѣл. IV. *О религіи и ея узаконеніи.* - 46

ГЛАВА IV. *О началахъ всеобщаго нравоученія.* - 50

ГЛАВА V. *Нравоученіе есть доказательное знаніе.* - 61

ГЛАВА VI. *Нравоученіе есть самое удобное знаніе ко ло-*

Стр.

стиженію и полезнѣйшее къ исполненію. - 67

Отдѣл. I. *О простотѣ нравственнаго ученія.* - - —

Отдѣл. II. *О пользѣ нравственной науки.* - - 74

ГЛАВА VII. *Исторія нравственнаго любомудрія.* - 85

КНИГА II.

О должностяхъ человѣка вообще.

ГЛАВА I. *О нравственности и обязательствѣ.* - 119

ГЛАВА II. *О наказаніяхъ и награжденіяхъ.* - 127

ГЛАВА III. *О добродѣтели и порокѣ.* - 128

ГЛАВА IV. *О должности и ея предметахъ.* - 132

ГЛАВА V. *О должностяхъ въ разсужденіи Бога.* - 136

ГЛАВА VI. *О должностяхъ въ разсужденіи насъ самихъ.* 154

Отдѣл. I. *Должности человѣка въ отношеніи къ его душѣ.* —

Отдѣл. II. *Должности человѣка въ отношеніи къ его тѣлу.* - - 160

Стр.
Отдѣл. III. *Должности человѣка въ отношенїи къ внѣшнему его состоянїю.* - 168
Членъ I. *Въ отношенїи къ богатству.* - - —
Членъ II. *Въ отношенїи къ чести и славѣ.* - 170
Членъ III. *Въ отношенїи къ житейскимъ бѣдствїямъ и нещастїю.* - - 183
ГЛАВА VII. *Всеобщїя должности въ разсужденїи намъ подобныхъ.* - - 187
Отдѣл. I. *О чувствїяхъ доброжелательства.* - 187
Членъ I. *Обширность сихъ чувствованїй.* - - —
Членъ II. *Источникъ сихъ чувствованїй.* - - 191
Членъ III. *О неравенствѣ между людьми.* - 193
Отдѣл. II. *О справедливости и благотворенїи вообще.* 198
Членъ I. *О справедливости.* - —
Членъ II. *О благотворенїи.* 202

Стр.

Отдѣл. III. *О справедливости и благотвореніи въ нѣкоторыхъ особенныхъ предметахъ.* - - 205

ГЛАВА VIII. *Должности относительныя къ подобнымъ намъ.* - - 210

КНИГА III.

Должности гражданина.

ГЛАВА I. *О началѣ гражданскаго общества и о первыхъ происходящихъ отъ онаго должностяхъ.* - 216

ГЛАВА II. *О законахъ гражданскихъ и о законоискуствѣ.* 224

ГЛАВА III. *О различіи правъ.* 227

ГЛАВА IV. *О правахъ власти.* 230

ГЛАВА V. *О политическихъ учрежденіяхъ.* - 232

ГЛАВА VI. *О народныхъ пособіяхъ.* - - 234

ГЛАВА VII. *О народныхъ постановленіяхъ.* - 239

Стр.

ГЛАВА VIII. *Должности подданныхъ.* - - 246

ГЛАВА IX. *Должности Монарховъ.* - - 251

КНИГА IV.

Должности народовъ.

ГЛАВА I. *Должности народовъ въ мирѣ.* - 259

ГЛАВА II. *Должности народовъ во брани.* - 267

Членъ I. *О причинахъ войны.* —

Членъ II. *Какїя надлежитъ наблюдать правила въ войнѣ прежде побѣды.* - 270

Членъ III. *Какїя должно наблюдать правила послѣ побѣды.* - - 274

ОСНОВАНІЯ
ВСЕОБЩАГО НРАВОУЧЕНІЯ.

КНИГА I.

Введеніе ко всеобщему нравоученію: предварительныя понятія.

ГЛАВА I.

О всеобщемъ нравоученіи, о обширности онаго и о различныхъ частяхъ.

Нравоученіе есть знаніе, наставляющее насъ добродѣтельно жить, и направляющее свободныя наши дѣйствія къ нашему совершенству и благоденствію.

Сїе знанїе изъясняетъ истинныя начала нашихъ должностей, излагаетъ ихъ правила, показываетъ намъ средства къ исполненїю оныхъ, и снабжаетъ къ тому побудительными причинами. Почему полная система нравоученїя должна объять всѣ сїи важные предметы, то есть, начала, правила, средства и побужденїя.

Человѣкъ можетъ быть разсматриваемъ отвлеченно, какъ существо разумное, но отъ общества удаленное. Въ сей точкѣ воззрѣнїя онъ уже обязанъ, какъ существо уединенное, исполнять должности въ отношенїи къ Зиждителю его сотворшему. Но онъ состоитъ также въ союзѣ съ семействомъ, въ которомъ рожденъ; съ обществомъ, съ которымъ сопряжено семей-

ство; съ народомъ, совокупляющимъ всѣ сіи семейства, и составляющимъ изъ оныхъ цѣлое государство. Каждое государство имѣетъ еще необходимыя сношенія съ другими. Изъ всѣхъ сихъ отношеній происходятъ должности, которыя изъясняетъ всеобщее нравоученіе, разсматривая человѣка во всѣхъ его связяхъ, какъ со Всевышнимъ Существомъ, такъ и со всѣми ему подобными.

Почему всеобщее нравоученіе есть весьма обширное знаніе, содержащее въ себѣ разныя части, отличаемыя иногда по образу ихъ преподаванія, иногда по свойству предметовъ, особенно въ нихъ разбираемыхъ. Таковое всеобъятное знаніе нравовъ соединяетъ всѣ сіи различныя части, кои называются разными

именами или по методу, или по отвлеченности. Часто каждую изъ оныхъ почитаютъ отдѣленною наукою, но онѣ всѣ заключаются во *всеобщемъ нравоученіи.*

Такимъ образомъ сперва означали *дѣятельнымъ любомудріемъ* (а) науку, управляющую волею человѣка, дабы онъ слѣдовалъ добру и убѣгалъ зла.

Равномѣрно назвали *нравоучительнымъ любомудріемъ* такое знаніе, которое, посредствомъ изобрѣтенныхъ разумомъ правилъ, научаетъ одареннаго понятіемъ и свободою человѣка всему, что онъ долженъ дѣлать и чего удаляться. Другіе говорили, что сія наука есть по-

(а) Смотри Волфія *Philosophiam practicam.*

знаніе нравственныхъ законовъ, относительно къ ихъ источникамъ или началамъ, и къ ихъ приноровленію (а).

Съ другой стороны опредѣляли *естественнымъ правомъ* знаніе, изъясняющее свойство добрыхъ или худыхъ дѣйствій (б).

Нѣкоторые отличали еще науку *домоуправленія* (l'economique), наставляющую направлять въ маломъ обществѣ свободныя дѣйствія мужа и жены, отца и дѣтей, дѣтей въ разсужденіи своихъ родителей, господина въ разсужденіи рабовъ, и взаимно.

Должности въ гражданскомъ обществѣ и относительно къ

(а) Фергуссона основанія нравственной философіи.
(б) Волфія право естественное.

ному, отличаемыя также въ отвлеченномъ смыслѣ, составляютъ для нѣкоторыхъ особенный предметъ *общественнаго права*.

Должности частныхъ людей въ обществѣ, къ исполненію коихъ могутъ они принуждаемы быть силою, учиняютъ предлогъ *законоискуства*; но обязательства, зависящія отъ доброй воли, или предполагающія добродѣтель и личное достоинство, относятся ко *нравамъ*.

Изложеніе правилъ, которымъ долженъ слѣдовать человѣкъ въ обществѣ, смотря по тому, какое въ ономъ занимаетъ мѣсто, и въ какихъ находится отношеніяхъ, названо нѣкоторыми писателями *политикою*, или *политическимъ естественнымъ правомъ*, заключающимъ

въ себѣ должности управляющихъ и управляемыхъ.

Сія политика раздѣляется еще отъ нѣкоторыхъ нравоучителей на *политику внутреннюю*, которая предлагаетъ правила, могущія обезпечить совершенство и благоденствіе наибольшей части членовъ въ каждомъ обществѣ; и на *политику внѣшнюю*, показывающую ясно, какія надлежитъ наблюдать должности въ разсужденіи другихъ государствъ, и какъ поступать съ оными по правиламъ мудрости, благоразумія и мужества.

Сіи государства разсматриваемы бываютъ иногда, одни въ разсужденіи другихъ въ *мирѣ* или *войнѣ*, или просто какъ сопряженныя *общими законами* человѣчества, или *частными договорами*.

Сверьхъ сего нѣкоторые Авторы разсуждаютъ о внутренней политикѣ относительно къ народнымъ пособіямъ, и тогда называютъ ее *публичною экономіею.*

Другіе взираютъ на нее со стороны народныхъ постановленій, касающихся до управленія государства, и въ такомъ случаѣ полагаютъ предметами ея *законы политическіе*, или *государственныя постановленія.*

Ежели кто разсматриваетъ народы во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ, почитая ихъ какъ бы нравственными лицами: то наука, преподающая такимъ образомъ о взаимныхъ ихъ должностяхъ и преимуществахъ, называется *правомъ народнымъ.* Законы, кои обязаны націи наблюдать однѣ въ разсужденіи дру-

гихъ, суть или *естественные*, основывающіеся на естествѣ и принадлежащіе существенно ко *всеобщему* нравоученію; или иногда сіи законы бываютъ *условные*. Ежели они происходятъ отъ естества, то народы подтверждаютъ ихъ *подразумѣваемымъ договоромъ*; естьли же зависятъ отъ воли и взаимныхъ выгодъ, постановленныхъ договорами, то дѣлаются *именными условіями*, и обязываютъ народъ правилами вѣрности.

Г. д' Аламбертъ, соображая въ своихъ основаніяхъ Философіи всѣ сіи отношенія въ другомъ видѣ, представляетъ *нравоученіе* существенною частію человѣческаго познанія, и разсматриваетъ оное подъ пятью различными точками зрѣнія.

Нравоученіе, по мнѣнію сего славнаго писателя, имѣетъ различные предметы: 1) то, чѣмъ люди обязаны другъ другу, яко члены всемірнаго общества; 2) чѣмъ частныя общества должны своимъ членамъ; 3) чѣмъ сіи общества должны однѣ другимъ; наконецъ 4) то, чѣмъ члены частныхъ обществъ или сограждане обязаны одни другимъ и государству, котораго они суть члены.

Первыя должности заключаютъ въ себѣ *законъ естественный*, не ограничиваемый ни временемъ, ни мѣстомъ, и которой можно назвать *нравственностію человѣка*. Должности другаго роду могутъ быть именованы *нравственностію законодателей*; должности третьяго роду *нравственностію госу-*

дарствъ; наконецъ должности четвертаго роду суть *должности гражданина*. Почему въ сіе раздѣленіе входятъ *право естественное*, или общее; *право политическое*, но его не должно смѣшивать съ политикою, которой оно часто бываетъ противно; *право народное и право положительное*. Къ симъ четыремъ вѣтвямъ *всеобщаго нравоученія* можно присовокупить еще пятую, *нравственность Философа*; она имѣетъ только въ виду насъ самихъ и способы, чрезъ которые должны мы стараться содѣлывать наше состояніе наилучшимъ, или сколько возможно менѣе прискорбнымъ.

И такъ знаніе всеобщаго нравоученія есть чрезвычайно обширно, поелику оно управляетъ всѣми свободными дѣйствіи-

ями всѣхъ людей, подъ всѣми возможными предлогами, и въ какихъ бы они отношенїяхъ ни находились какъ въ разсужденїи себя самихъ, такъ и въ разсужденїи Высочайшаго Существа.

Но сколько сїя наука ни представляется дѣятельною, однакожъ она содержитъ въ себѣ или предполагаетъ такїя истины, кои служатъ ей основанїемъ, и кои мы потщимся изъяснить въ краткихъ словахъ.

Нѣкоторыя изъ оныхъ касаются до Вышняго Существа, то есть, что оно существуетъ, и есть пресовершенное; другїя относятся къ человѣку, то есть, что онъ имѣетъ безсмертную душу, чувствїя, кои обязанъ направлять, и совѣсть, которую долженъ просвѣщать и съ нею совѣщаваться.

ГЛАВА II.

О существованіи Божіи и его свойствахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О существованіи Божіи.

Бытіе Бога, Существа высочайшаго, было повсемѣстно и всѣми принято. Самые язычники, составившіе объ немъ нелѣпыя мнѣнія, утверждали, что онъ существуетъ (а). Все, что древніе и новѣйшіе Атеисты ни приводили противъ сего положенія, есть или неизвѣстно, или подозрительно, или ложно (б).

(а) Римл. гл. I. ст. 18 - 25.

(б) О вѣрѣ язычниковъ смотри Сикеса Connexion de la religion naturelle et revelée, гл. XIV. чл. II. Смотри также Пфаннера Theolog. Gentil. Козабона, предисловіе на Марка Антонина; Гроція выписки и проч. особливо Гудворта умственный міръ, mundus intellectualis.

Но сколько есть истиннаго, сіе все доказываетъ единственно, что люди, лишенные откровенія, часто соображали о Божествѣ сумазбродныя понятія, и имѣли объ немъ противорѣчущія свѣденія (а). Максимъ Тирскій и Цицеронъ свидѣтельствуютъ, что вѣрованіе въ единаго Бога, Царя и Отца всяческихъ, было непремѣнное и всемірное, и что ежели есть другіе Боги, то они суть его дѣти, вмѣстѣ съ нимъ управляющіе (б).

Сіе общее мнѣніе не могло зависѣть отъ особенныхъ обстоятельствъ; надобно, чтобы оно

(а) Леландъ въ новомъ своемъ Demonstration Evangelique кромѣ сего ничего болѣе не доказываетъ.

(б) Максимъ Тирскій въ разсужденіи 1. Цицеронъ въ своихъ Тускуланскихъ запросахъ кн. I. гл. 13.

было заключеніемъ человѣческаго разума, или слѣдствіемъ первоначальнаго откровенія, сохраняемаго по преданію, хотя оное не рѣдко было обезображено.

Созерцаніе дѣйствій (effets) подаетъ понятіе о причинѣ или винѣ, а споспѣшествованіе средствъ удостовѣряетъ необходимо о цѣли. Почему не льзя не повѣрить, чтобы глазъ не сдѣланъ былъ для зрѣнія, ухо для слышанія, ротъ и его части для вкушанія, органъ голоса для произношенія, крыло для воздуха, плавило или рыбьи перья для воды, нога для твердой земли; чтобы солнце не было создано для нашей планетной системы, подобно какъ чудеснымъ образомъ составленное рыльцо маленькой мушки

не было устроено для нуждъ сего насѣкомаго, и проч.

Чѣмъ болѣе испытываемъ мы природу, тѣмъ лучше ее познаемъ, и болѣе открываемъ удивительныхъ цѣлей, и средствъ, премудро расположенныхъ для сихъ цѣлей (а).

Естество показываетъ намъ преднамѣренныя причины (cauſes finales) всюду, куда только могутъ простираться наши познанія.

Понятіе о концѣ, цѣли и намѣреніи въ дѣлахъ, произведенныхъ подобными намъ людьми, заключаетъ въ себѣ безъ сомнѣ-

(а) Смотри Ray, Sageſſe de Dieu dans les ouvrages de la creation. См. Нїовентшита и проч. также Астрономическую и естественную Богословїю Дертама — Богословїю насѣкомыхъ Лессера и проч.

нія досповѣрность, что художникъ существуетъ и умствуетъ. Мысль о преднамѣреніи или концѣ въ твореніяхъ естества, не болѣе ли и не по необходимости ли возраждаетъ въ насъ увѣреніе о разумномъ существѣ, Зиждителѣ природы?

И такъ преднамѣренныя причины могутъ быть почитаемы языкомъ, которымъ Богъ открываетъ себя умѣющему здраво размышлять человѣку. *Небеса поѣдаютъ славу Всемогущаго Бога* (а). Сіе Давидово изреченіе содержитъ въ себѣ все, что мы можемъ говорить о сей матеріи. Нѣтъ ни одного Метафизическаго довода разительнѣе, ни досповѣрнѣе, которой бы могъ

Б

(а) Псал. XVIII. 1. Іов. XII. 7. 8. 9. Римл. I. 20.

сильнѣе убѣдить человѣка, какъ сей удивительный порядокъ, царствующій въ мірѣ (а); чего ради и Невтонъ не приводитъ инаго доказательства. Платонъ въ разсужденіи Божескаго бытія представляетъ въ лицѣ своего собесѣдника самое лучшее доказательство: „Вы судите, что „я имѣю разумную душу по то„му, что усматриваете поря„докъ въ моихъ словахъ и дѣй„ствіяхъ; и такъ судитежъ „взирая на благоустройство се„го міра, не должна ли быть „также и въ немъ совершенно „разумная, образовавшая его и „управляющая имъ душа (б)?„

(а) См. Reflexions ſur le ſyſteme de la nature par Mr. Holland.

(б) Платонъ in Timaeo & in Sophiſt. Смотри также Цицерона de natura Deorum кн. I. гл. 2. 37. 38. Tuſculan. кн. I. 28. 29.

Та же самая мысль о Богѣ Зиждителѣ заключаетъ въ себѣ понятіе о его *провидѣніи*, которое есть продолженіе воли возжелавшаго привести въ бытіе сей міръ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О *Божескихъ свойствахъ.*

Свойства Божіи, кои можемъ и должны мы постигать по мѣрѣ нашихъ способностей, открываются равномѣрно намъ изъ его *твореній*, какъ-то его разумъ, его могущество, премудрость, правосудіе, единство (а).

Всякое созданіе, замыкающее въ себѣ виды или намѣренія, предполагаетъ въ совершителѣ

(а) Римл. I. 18 20.

его *разумъ* (а). Сіе громогласно возвѣщаетъ намъ вселенная. Откуда бы пришло человѣку разумѣніе, которымъ онъ избыточно одаренъ, говорилъ Сократъ, по объявленію Ксенофонта, ежели бы Божество не было совершенно разумное? Отъ кого бы мы получили смыслъ, умъ, разсудокъ, помышленіе, благоразуміе, говорилъ Цицеронъ, ежели бы образовавшій насъ не имѣлъ дѣятельнѣйшаго, совершеннѣйшаго, однимъ словомъ, Божескаго разума (б)?

Могущество есть необходимое свойство первоначальной вины, поелику она все произвела и образовала; а въ Зиждителѣ

(а) Іов. XXI. 22. Іерем. X. 12. Римл. XI. 33 - 35.

(б) De nat. Deorum, книг. II. 6 - 7.

вселенныя не можно полагать оному никакихъ предѣловъ. И по сему онъ силенъ содѣлать все, что возможно, все, что не заключаетъ въ себѣ противорѣчія (а).

И такъ создавшій вся Богъ, есть Существо разумное, какъ-то показываютъ его творенія. Но *премудрость* есть свойство высочайшаго разума, и познаніе преднамѣренныхъ причинъ удостовѣряетъ насъ о премудрости Божіей. Нашъ ограниченный разумъ имѣетъ весьма несовершенное свѣденіе о безконечной Божіей премудрости; впрочемъ мы

(а) Марк. X. 27. Лук. I. 37. Матѳ. XIX. 26. Іов. XLII. 2. Nihil eſt, quod Deus efficere non poſſit, т. е. нѣтъ ничего невозможнаго Богу (кромѣ зла). Цицер. о свойствѣ Боговъ книг. III.

обязаны постигать, что онъ сотворилъ всякую вещь для своего конца, что ему извѣстна сущность всѣхъ твореній, ихъ отношенія, и что, что есть наилучшаго для каждой вещи и для цѣлаго (то есть мїра) (а). И хотя мы можемъ только нѣсколько провидѣть сїю премудрость, но должны всегда ее предполагать и помышлять объ ней съ глубочайшимъ благоговѣнїемъ.

Благость Создателя и Хранителя всѣхъ тварей есть ощутительна для всякаго праваго и кроткаго ума, котораго гордость или нерадѣнїе не удаля-

(а) Iов. IX. 4. Iерем. X. 12. — Εἷς Θεὸς ἐστι σοφὸς, δύνατός Ὁ ἅμα — единъ только Богъ премудръ и всемогущъ купно. Фокилидъ. См. Циц. о свойств. Боговъ II. 6-7.

ютъ отъ признательности и истинны.

Богъ явилъ сію благость, создавъ разумныя и чувствительныя существа, одаривъ ихъ всѣми благами, коими онѣ уже наслаждаются, образовавъ ихъ усовершительными и способными къ величайшему блаженству, котораго только имъ можно достигнуть, и наконецъ сохраняя ихъ удивительнымъ порядкомъ, нѣсколько нами усматриваемымъ, хотя оной часто бываетъ сокрытъ отъ слабаго нашего разумѣнія, немогущаго обнять совокупно связи и цѣпи всецѣлаго. Впрочемъ порядокъ и цѣли немногихъ постигаемыхъ нами вещей, весьма достаточны привести основательной разумъ къ тому, чтобы онъ вѣрилъ всеобщему благу, и чтобъ никакія

возраженія не могли поколебать вѣры его и упованія; ибо большая часть яснаго въ предметѣ, не можетъ опровержена быть меньшею частію темнаго (а).

Правосудіе Божіе есть послѣдствіе его благости и премудрости; оно есть самая благость, разпоряжаемая безконечною его мудростію.

Такимъ образомъ правосудіе есть безпристрастная и всеобъятная благость, являемая по правиламъ мудрости и по свойству существъ, яко относящихся къ оной предметовъ. Оно подчиняетъ каждую часть благу цѣлаго; располагаетъ цѣлымъ для сохраненія частей, и не до-

(а) Исход. XXXIV. 6 Псал. XXXIII. 5. Іоил. II. 13. См. Цицер. de nat. Deorum, кн. II. Платона о республикѣ кн. II. — См. Theodicée de Leibnitz.

пускаетъ нѣкоторыхъ частей наслаждаться на щотъ цѣлаго (а).

О правосудіи Божіи утверждаютъ тоже, что о его премудрости. Дабы опредѣлить правила онаго, надлежитъ нашему разуму быть безпредѣльнымъ и въ состояніи объять цѣлую связь вселенныя, связь настоящаго и будущаго. Почему не льзя не удивляться великой безразсудности тѣхъ дерзкихъ людей, кои предпринимаютъ съ отважностію рѣшить намѣренія и судьбы Божіи.

В

(а) Второзак. XXXII. 4. Іов. XXXIV. 12. 17. 23. Даніил. IX. 14. Горац. кн. III. Ода 4. - - - - - Mortalesque turmas imperio regit unus aequo. И тьмы смертныхъ управляетъ единъ праведнаго властію.

Понятïе о конечныхъ, или преднамѣренныхъ причинахъ, убѣждающее насъ признавать Бога всемогущимъ, разумнымъ, премудрымъ, благимъ и праведнымъ, показываетъ его также намъ *единымъ*; ибо довлѣетъ одному вѣдать и содержать въ себѣ причину сотворенïя мïра. Предположенïе же многихъ боговъ есть поврежденïе понятïй, не натурально представляющихся человѣку; а политеисмъ (многобожïе) можно почесть безсмысленнымъ суевѣрïемъ.

Народы, сообразивъ понятïе о различныхъ свойствахъ Высочайшаго Существа, и о различныхъ предметахъ, сохраняемыхъ его провидѣнïемъ, вмѣсто согласованïя оныхъ и признанïя единаго совершеннаго Бога, сдѣлали чудовищную роспись премногихъ

боговъ, изъ которыхъ каждый, по ихъ мнѣнію, имѣлъ свои свойства въ естествѣ, и свои должности въ управленіи міра.

Одинъ изъ величайшихъ видовъ Моисейскаго откровенія клонился къ тому, чтобы опровергнуть сіе многобожіе и уничтожить идолослуженіе (а); и сіи грубыя заблужденія, повсюду тогда распространившіяся, учинялі сіе откровеніе весьма нужнымъ для человѣковъ.

Впрочемъ надлежитъ признаться, что понятіе язычниковъ о единствѣ всевышняго Бога, которому другія, по ихъ мнѣнію, зависимыя божества подчинились, было у нихъ всеобщее, особливо

(а) Второзак. IV. 35. 39. VI. 4. VII. 9 — Исаіи XLIII. 10. 11. 12. — 2 Царствъ XIX. 15. 19. Ис. XLII. 8 и проч.

у Философовъ (а); однакожъ и сіи мудрецы не менѣе были виновны въ идолослуженіи и суевѣріи, и откровеніе не меньше было нужно для извлеченія ихъ изъ сего плачевнаго состоянія (б).

ГЛАВА III.

О человѣкѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О душѣ.

Человѣкъ есть существо разумное и свободное, образованное таковымъ отъ Зиждителя при-

(а) Смотри Кудворта le monde intellectuel. Сикеса connexion de la religion nat. et reveiée. Смотри еще Essai de Michel de Montaigne, кн. II. гл. 12. подъ названіемъ: Apologie de Raymond de Sebonde.

(б) Леландъ въ своемъ nouvelle demonstration Evangelique.

роды. Сïе доказываетъ, что онъ сотворенъ для отданïя отчету въ своихъ дѣйствïяхъ создавшему его Богу.

То, что въ человѣкѣ содѣлываетъ его способнымъ размышлять, познавать, избирать или хотѣть, называется его *душею*, которой свойства не имѣютъ ни малѣйшаго сходства съ тѣми качествами, кои опытъ и наблюденïе открываютъ намъ въ веществѣ, или матерïи.

Самыя качества матерïи, ея дѣлимость и недвижимость состоятъ въ явномъ противорѣчïи съ свойствами души, которая есть нераздѣлима и дѣятельна. Ибо такъ называемыя душевныя способности суть дѣятельныя силы. Онѣ никоимъ образомъ не могутъ быть дѣлимыми, хотя

въ отвлеченномъ смыслѣ и разсматриваютъ ихъ раздѣльно.

И такъ *душа*, будучи нераздѣлима по своей сущности, не подлежитъ разрушенію, такъ какъ наше тѣло, слѣдовательно она не можетъ истребиться, какъ развѣ чрезъ уничтоженіе. Но мы не имѣемъ никакой причины сего предполагать; поелику Творецъ ничего не уничтожаетъ въ природѣ, да и сіе уничтоженіе противоборствовало бы его премудрости. Почему мы справедливо заключаемъ, что Богъ создалъ нашу душу по ея естеству безсмертною. Такимъ образомъ, когда тѣло разрушается, или умираетъ, душа можетъ существовать отдѣльно, хотя и въ различномъ состояніи отъ того, въ какомъ находилась въ сей жизни.

То, что уже природа учиняетъ достовѣрнымъ, подтверждается еще познаніемъ Божескихъ совершенствъ, а наипаче его благостію, его премудростію и правосудіемъ.

Та же самая благость, подвигнувшая Создателя образовать людей съ душею, способною къ величайшему благополучію, какого только могутъ они достигать въ сей жизни, должна безъ сомнѣнія расположить его ко всегдашнему ея сохраненію. Разумное естество человѣка можетъ постепенно приходить въ совершеніе; но сему возбраняютъ нужды и недостатки тѣлесные: почему достоитъ премудрости Создателя продолжить существованіе души, дабы она достигла того совершенства, котораго содѣлана вмѣстительною.

Впрочемъ правленіе неусыпнаго Божія провидѣнія, происходящее отъ его совершенствъ, долженствуетъ быть всегда правосудно. Но сіе распредѣляющее правосудіе, сообразное премудрости Правителя міра, не всегда оказывается въ сей жизни. Отъ сего повсюду разнеслось всеобщее мнѣніе, что добрые люди получатъ со временемъ награду за свои добрыя дѣйствія. Отъ сего раждается желаніе блаженнаго безсмертія, желаніе, впечатлѣнное въ сердцахъ человѣческихъ Виновникомъ нашего бытія. Отъ сего наконецъ происходитъ страхъ къ наказаніямъ, которыя воспріимутъ злые люди въ другомъ устроеніи жизни (а). Всѣ язычники,

(а) Смотри рѣчь Катонову у Саллюстія, въ Исторіи о заговорѣ Катилининомъ.

совѣщавшіеся съ здравымъ разсудкомъ, признали также безсмертіе души и будущее воздаяніе (а).

Правда, я знаю, что идолопоклонники съ великими сими истинами, внушаемыми разумомъ, или сохраняемыми по первоначальному произшедшему отъ Бога преданію, смѣшали басни и всякія заблужденія; но истинна пребывала очевидною посреди всѣхъ изкаживающихъ ее нелѣпостей (б). Благость Божія союз-

(а) Смотри Сикеса connexion de la relig. nat. et revel. гл. XIV. стр. 175 и слѣд. и приводимыя имъ свидѣтельства. — Смотри также Пфаннера языческую Богословію.

(б) Смотри въ Леландѣ nouvelle demonstr. Evangelique, подробное описаніе заблужденій язычества.

волила утвердить понятія всѣхъ человѣковъ на томъ, чего надлежало имъ ожидать въ будущемъ устроеніи жизни; сіе самое необходимо требовало также откровенія, и было однимъ изъ величайшихъ видовъ Спасителя, дабы возвѣстить чрезъ Евангеліе жизнь и безсмертіе. Чего ради священные писатели не оставляютъ намъ никакого недоразумѣнія о семъ преважномъ предметѣ, полагающемъ твердѣйшее основаніе всеобщему нравоученію и всѣмъ должностямъ человѣка, во всѣхъ возможныхъ его отношеніяхъ.

Сіи священные писатели научаютъ насъ, что душа есть безсмертна и возвратится къ своему источнику, Богу (а); что тѣло,

(а) Экклез. XII. 7.

повергнутое въ землю, воскреснетъ въ послѣдній день (а); сіе тѣло, возставленное Божескимъ могуществомъ, будетъ гораздо превосходнѣйшаго естества (б); всѣ люди воспріимутъ судъ во всѣхъ житейскихъ, даже въ самыхъ сокровенныхъ поступкахъ, въ ихъ словахъ и помышленіяхъ (в); Богъ воздастъ каждому по дѣламъ его, опредѣлитъ награжденія праведнымъ и добродѣтельнымъ, а казни нечестивымъ, порочнымъ и развращеннымъ (г); —

(а) 1. Коринѳ. XV. 4. 51-53. 1. Солун. IV. 15-17. Дѣян. XXVI. 8. Дан. XII. 2. 3. Іоан. V. 28. 29. 1. Коринѳ. VI. 14.

(б) Филиппис. III. 20-21. 1. Коринѳ. XV. 40-54. 1. Іоан. III. 2.

(в) Быт. XVIII. 25. Притч. XXIV. 12. Экклез. III. 17. Римл. II. 3. 16. Евр. IX. 27. 2 Коринѳ. V. 10.

(г) Римл. II. 3. 6. 2. Солун. I. 6-7. 2. Петр. II. 4. 9. Галат. VI. 7. Матѳ. XVI. 25. 26.

наконецъ Іисусъ Христосъ, нашъ Спасителъ, поставленный Богомъ судитъ всѣхъ человѣковъ (а), произведетъ сей судъ съ совершеннѣйшею справедливостію по всѣмъ свѣденіямъ и по тѣмъ знаніямъ, кои каждой имѣлъ въ сей жизни (б), такъ что наказанія и награды будутъ наиточнѣйшимъ образомъ соразмѣрены различнымъ степенямъ доброты, или злости человѣковъ (в).

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О чувствованіяхъ человѣка.

Человѣкъ, также какъ и животныя, стремится по врожден-

(а) Матѳ. XVI. 27. Іоан. V. 22-23. Дѣян. X. 42. XVII. 31. Апокалип. I. 7. Матѳ. XXIV. 30-31 и проч. Римл. XIV. 10-12.
(б) Римл. II. 11-12. Лук. XII. 48. Іоан. XII. 48. 1. Коринѳ. IV. 4-5.
(в) 1. Коринѳ. IV. 4-5. 2. Кор. V. 10. 1. Петр. I. 17. Лук. XII. 47. 48.

ному побужденію къ извѣстнымъ дѣйствіямъ; но сіе побужденіе или *инстинктъ* возраждается и управляется у него воображеніемъ. Нравоученіе наставляетъ человѣка владычествовать надъ своимъ воображеніемъ посредствомъ разума, и содержать въ надлежащихъ предѣлахъ пожеланія, раждающіяся отъ побужденія или *инстикта* (а).

Люди желаютъ своего сохраненія, для сего предпринимаютъ они разныя предосторожности. Нравоученіе показываетъ имъ, какія мѣры позволены и приличны (б).

(а) Смотри Фергуссона institut. de philosophie morale et theorie des sentimens agreables.

(б) Волластон. Ebauche de la relig. naturelle.

Люди ощущаютъ въ себѣ услажденія или горести, удовольствія или досады, и ихъ мнѣнія весьма различны, какъ въ избираніи однихъ предметовъ, въ коихъ надѣются найти удовольствія, такъ и въ удаленіи отъ другихъ, доставляющихъ скуку и огорченіе. Нравоученіе наставляетъ ихъ, въ чемъ должны они искать истиннаго удовольствія, и отъ чего должны опасаться существенныхъ безпокойствій (а).

Люди желаютъ также себя усовершенствовать, и отвращаются отъ всего, что содѣлываетъ ихъ несовершенными; но мнѣнія ихъ весьма несходственны въ томъ, что усовершаетъ или причиняетъ недостатки.

(а) Смотри theorie des sentimens agreables.

Нравоученіе открываетъ имъ, въ чемъ состоитъ истинное совершенство, и какія суть средства къ достиженію онаго (а).

Люди сотворены для общежитія; ихъ орудія, ихъ способности, желанія, нужды доказываютъ то очевиднѣйшимъ образомъ. Сердце ихъ устроено для доброжелательства и согласнаго съ другими содѣйствія; но виды, подъ которыми они соединяются, и услуги, коихъ требуютъ одни отъ другихъ, весьма различны между собою. Часто личная выгода или корысть разстроиваетъ всеобщій порядокъ. Нравоученіе вразумляетъ ихъ, что благосостояніе однихъ сопряжено съ благосостояніемъ другихъ, что

(а) Смотри theorie de ſentimens moraux Шмита.

щастїе ихъ зависитъ отъ всеобщаго благоденствїя, и они обязаны споспѣшествовать всеобщимъ пользамъ, для того, дабы имѣть право самимъ участвовать въ оныхъ (а).

ОТДѢЛЕНІЕ III.

О совѣсти и ея узаконенїи или уставѣ (sanction).

Теорїя человѣка составляетъ предметъ Физїологїи и Психологїи. Сїи науки, преисполненныя еще многими неизвѣстностями, не изъяты можетъ быть также и отъ многихъ заблужденїй. Впрочемъ тонкїя ихъ разысканїя не много приносятъ пользы нрав-

---

(а) Смотри Essai sur l'histoire de la societé civile. См. Аббата Плюкета la sociabilité. — Должности человѣка и гражданина Пуффендорфа.

ственному ученїю. Человѣку довольно знать, что душа его безсмертна, и какїя суть ощущенїя сея разумныя и чувствительныя души: сїе-то самое намѣрены мы истолковать. Но человѣкъ имѣетъ способность, требующую особеннаго вниманїя, то есть *совѣсть* (а).

Совѣсть есть способность, (которою одарены всѣ люди) судитъ о нравственности дѣйствїй. Она, яко разумная душа, разсматриваетъ и судитъ, доброе ли учинено нами дѣйствїе, или худое. Добрымъ называетъ тогда, когда оно служитъ къ совершенству и истинному благополучїю дѣйствующаго; а злымъ,

(а) См. Wolfii philosophiae practicae universalis partem I. cap. 5 de conscientia.

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.

когда оно споспѣшествуетъ къ его несовершенству и нещастію (а).

Когда поступаемъ мы по сужденію нашей души, то совѣсть насъ *ободряетъ*; естьли же мы обманываемся въ семъ сужденіи, или не послѣдуемъ оному, то просвѣщенная совѣсть насъ *охуждаетъ* (б).

Отъ одобренія происходитъ *слокойствіе* совѣсти, которое для души есть тоже, что здоровье для тѣла.

Угрызенія и *упреки* раждаются отъ осужденія совѣсти.

(а) Дѣян. XXIII. 1. Римл. II. 14. 15. IX. 1-2. 2. Тимоѳ. I. 3. Евр. XIII. 18. 1. Петр. II. 19.

(б) Смотри изящныя Цицероновы наставленія о совѣсти въ письмѣ къ Аттику, кн. XII. 28. въ Тускуланскихъ запросахъ 1. кн. II. 26. — въ книгѣ о законахъ lib. II. 4. въ отрывкахъ, кн. III. о респуб.

Они возмущаютъ жизнь и разтворяютъ ядомъ всѣ житейскія пріятности и увеселенія (а). *Hae sunt impiis assiduae, domesticaeque furiae*, то есть, они для порочныхъ всегдашніе мучители (б).

Ежели по невнимательности къ намъ самимъ и нашимъ дѣйствіямъ, ежели по разсѣянности и по нѣкоторымъ усиліямъ понимаемъ мы превратно содѣянное нами зло, то сіе нравственное повреждеіе, источникъ закоренѣлыхъ преступленій, *усыпляетъ* совѣсть, могущую еще притти въ пагубную *безчувственность*, отъ которой она однакожъ рано или поздо, не взирая на насъ, пробуждается, дабы тѣмъ болѣе

(а) См. Цицерона de legibus, кн. I. 14.
(б) Cic. pro S. Roscio Amer. 24.

заставить почувствовать несносныя ея терзанія, и сіи терзанія будутъ въ грядущемъ устроеніи жизни источникомъ нещастій порочнаго.

Творецъ нашего бытія, образуя человѣка съ сею способностію и съ сими чувствованіями, восхотѣлъ снабдить его дѣятельнымъ началомъ, единственно для того, дабы отвратить его отъ зла и устремить къ добру.

Сіе начало есть одно изъ установленій *нравственныхъ законовъ*; оно состоитъ, или въ удовольствіи, ощущаемомъ по содѣланіи добра, или въ стыдѣ и соболѣзнованіи по учиненіи зла.

Но часто чувствованія совѣсти смѣшиваются съ суевѣріемъ, или съ чувствіями, внушенными отъ обычая и мнѣнія другихъ,

кои подобно своему источнику, всегда подвержены заблужденію.

Почему важнѣйшій предметъ нравоученія состоитъ въ томъ, чтобы предупредить и исправить сіи опасныя заблужденія; и слѣдовательно долгъ и необходимость обязываютъ всякое разумное существо стараться просвѣтить совѣсть свою нравственностію и религіею (а).

Ежели сужденія совѣсти не касаются до публичнаго порядка, и не подаютъ повода ни къ какому наружному дѣйствію, причиняющему другимъ вредъ, или безпокойство: то понятія, помышленія и чувствія совѣсти не подвержены человѣческой власти,

(а) 1. Тимоѳ. I. 19 III, 9. Дѣян. XXIV. 16. Римл. XIII. 5.

и состоятъ токмо въ зависимости Бога, испытующаго сердца и утробы, которой можетъ только одинъ изслѣдывать оныя. Почему предпринимать какое ни есть насилїе противъ чьей совѣсти, значитъ возставать противъ Божескаго права и нарушать право человѣческое (а).

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

О узаконенїи (sanction) религїи.

Кромѣ *узаконенїй совѣсти*, человѣкъ подверженъ еще *узаконенїямъ религїи*, потому что онъ признаетъ Бога своего Создателя. Какъ первыя происходятъ отъ чувствованїя души въ отно-

(а) См. въ Ивердонской энциклопедїи Локково письмо о терпимости въ статьяхъ: *Liberté de conscience et celui de tolerance.*

шенїи къ добру, или злу, почитаемому таковымъ по его свойству, и въ отношенїи къ тому, что можетъ сдѣлать насъ благополучными, или нещастными: то впорыя зависятъ отъ должныхъ Верховному Существу чувствїй, то есть отъ любви, признательности, благоговѣнїя, покорности, упованїя, и оба сїи обязательства устремляютъ насъ къ однимъ и тѣмъ же должностямъ, поелику воля верховнаго нашего Владыки есть наше совершенство и благополучїе.

Сїе узаконенїе религїи, какъ естественной, такъ и откровенной, содержитъ въ себѣ три побужденїя:

Первое побужденїе заимствуется отъ созерцанїя всесовершеннаго обожаемаго нами Существа, которое долженствуетъ преклонить

насъ къ подражанію его мудрости, благости и всѣмъ нравственнымъ его добродѣтелямъ, дабы чрезъ то ему уподобиться. Сверьхъ сего Евангелїе предлагаетъ намъ въ подражанїе Іисуса Христа, посланнаго Богомъ на землю для спасенїя человѣковъ, и для показанїя имъ въ естествѣ ихъ совершеннаго образца всѣхъ добродѣтелей (а).

Второе понуждаетъ насъ любить наше состоянїе, какое бы оно ни было, и быть приверженными къ происходящимъ отъ онаго должностямъ, яко опредѣленнымъ отъ провидѣнїя премудраго Бога

(а) Матѳ. V. 48. XI. 29. Лук. VI. 36. Іоан. XIII. 14. 16. Ефес. IV. 32. V. 1-2. Филиппис. II. 5. 1 Петр. I. 15 II. 21. 1 Іоан. III. 3.

и властителя произшествій, равно какъ и нашего жребія (а).

Третіе состоитъ въ удостовѣреніи наградъ, ежели исполнимъ наши должности, и въ угроженіи казней, ежели оныя нарушимъ; наградъ, говорю, и наказаній, кои дѣлаются весьма извѣстными и неложными чрезъ ясныя, точныя и часто подтверждаемыя объявленія Слова Божія въ ветхомъ и новомъ Откровеніи, Моисейскомъ (б) и Евангельскомъ (в).

Доселѣ мы видѣли, какія суть *части всеобщаго нравоуче-*

(а) 1 Тимоѳ. VI. 6-8 Евр. XIII. 5. Іак. IV. 7. 1. Петр. V. 7.

(б) Притч. XXIV. 12. Екклез. III. 17. XII. 18. Іерем. XXXII. 19. XVII. 10. Езек. XXXIII. 8. и слѣд. и проч.

(в) Римл. II. 3. и слѣд. 2. Коринѳ. V. 10. 1 Петр. I. 17. Галат. VI. 7. 8. Лук. XII. 47. 48. и проч.

нїя, и какїя *истинны* служатъ оному основанїемъ; теперь должны мы изслѣдовать, какїя суть его начала.

ГЛАВА IV.

О началахъ всеобщаго нравоученїя.

Начало есть общее правило, употребляемое для опредѣленїя или означенїя качества дѣйствїй. Въ первомъ случаѣ бываетъ оно *побудительною причиною*, во второмъ *сужденїемъ*.

Первое начало есть то, далѣе котораго восходить и простираться не можемъ.

И такъ начало долженствуетъ быть ясное, несомнительное и подобное математическимъ *аксїомамъ* предложенїе. Ибо аксїомы нравоученїя не имѣ-

ютъ равномѣрно нужды ни въ какомъ доказательствѣ. „Сіе правило есть непремѣняемый, вѣчный и сообразный природѣ законъ, излитый въ сердца всѣхъ человѣковъ, такъ какъ утверждаетъ Цицеронъ (а). Оный законъ, заповѣдуя имъ возможное добро, запрещаетъ всякое зло, но такимъ образомъ, что его заповѣди и запрещенія, не вотще относящіяся къ честнымъ людямъ, производятъ впечатлѣнія и надъ злыми. Его не можно ни отрѣшить, ни уничтожить, ни поставить противные законы его правиламъ. Будучи ясенъ самъ по себѣ, не требуетъ онъ ни объяснителя, ни истолкователя. Сей законъ не есть иной

(а) Cic. Fragment. lib. III. de repub.

„въ Римѣ, иной въ Аѳинахъ, иной „сего дня, иной завтра; но „единственный, всемірный, не„премѣняемый и обязывающій „всѣхъ народовъ во всякое время; „да и Богъ, общій всѣхъ повели„тель, заповѣдуетъ оный равно„мѣрно всякому племени и на„роду. Онъ (Богъ) есть винов„никъ, изобрѣтатель и возвѣсти„тель сего закона. Всякъ, не по„коряющійся оному, удаляется „отъ своего благополучія, пре„зираетъ природу человѣка, и „обрящетъ нѣкогда въ семъ са„момъ величайшее наказаніе, хотя „бы впрочемъ могъ онъ избѣжать „всего того, что почитается „казнію.„

Нравоучители чрезъ многія и различныя начала всегда доходили до однихъ и тѣхъ же послѣдствій, ежели только дѣлали

справедливыя соразсужденія; и сіи начала хотя по видимому различныя, но существенно клонятся къ одной цѣли, или входятъ одни въ другія, служая себя взаимною силою. Почему въ нравоученіи весьма безполезно споритъ о предпочтеніи одного начала передъ другимъ, поелику всѣ сіи начала между собою согласить очень не трудно.

1. *Одни* говорили, что *воля верховнаго Законодателя* есть начало естественныхъ законовъ, или нравственныхъ должностей; законовъ, вѣряемыхъ намъ разумомъ и совѣстію, и слѣдовательно основываемыхъ на *очевидности* (а). Въ Откровеніи под-

(а) Такъ думалъ Пуффендорфъ. Цицеронъ ничѣмъ, кажется, отъ него не

швердилъ онъ сіи же самые законы, ни мало не разнствующіе отъ тѣхъ, кои показываетъ намъ разумъ: Откровеніе присовокупило только къ онымъ *новыя побужденія*.

2. Другіе, разсматривая *природу и порядокъ вещей*, ихъ отношенія, естественное слѣдствіе дѣйствій, приняли сію установленную и непремѣняемую природу за начало нравоученія. Но какъ Богъ есть виновникъ естества всѣхъ вещей, то сіе начало приводитъ насъ паки къ Создателю (а).

3. Нѣкоторые Моралисты, изображая, можетъ быть, то же

различествуетъ, такъ какъ можно судить изъ приведеннаго нами превосходнаго его мнѣнія.

(а) Такъ понималъ Аристотель, Платонъ и нѣкоторые другіе. Смотр. Les loix natur. de Cumberland.

самое понятïе въ другихъ словахъ, утверждали, что въ дѣйствïяхъ находится съ предметами *сходство*, или *различïе*; что есть естественное отношенïе въ стройности, или несогласïи между дѣйствïемъ и производимою имъ перемѣною, которая учиняетъ оное нравственно добрымъ, или худымъ (а). Сïе Схоластики назвали *подлежащею нравственностïю*, (*moralitas ſubjectiva*) (б). Но симъ образомъ не есть ли восходитъ всегда къ Богу, единому виновнику вещей и тѣхъ отношенïй, которыя онѣ между собою имѣютъ?

4. *Человѣкъ*, по мнѣнïю Доктора Гучезона, одаренъ врожден-

(а) Смотр. Ebauche de la relig. Naturel. par Volaſton.

(б) Wolfii Philoſoph. pract. pars I.

ною склонностію, или *нравственнымъ чувствіемъ* (ſenſu morali), заставляющимъ его познавать и одобрять добро, различать и охуждать зло по вкусу и чувствованію, независимо отъ всякаго размышленія. Но сіе нравственное чувствіе, коимъ Богъ насъ одарилъ, желая учинить насъ дѣятельнѣйшими къ произведенію добра и къ избѣжанію отъ зла, возноситъ паки насъ мыслію къ всевышнему Существу, создателю нашихъ душъ. Впрочемъ сіе нравственное чувствіе различно ли отъ совѣсти? Не суть ли тѣ же самыя понятія, предложенныя другими словами?

5. *Человѣкъ* есть *усовершителенъ* (perfectible), говорятъ нѣкоторые Философы; то есть, его совершенство, и слѣдственно благополучіе, могутъ приращаться

или уменьшаться. Почему всякое дѣйствїе, усугубляющее то и другое, (совершенство и щастїе) называется добрымъ; напротивъ того всякое дѣйствїе, обое уменьшающее, именуется худымъ. И такъ первое правило нравоученїя, изъ котораго происпекаютъ всѣ прочїя, есть сїе: *дѣлай все, что можетъ усугубить твое совершенство и благополучїе, улучшая тебя и твое внѣшнее состоянїе; и убѣгай всего оному противнаго* (а). Изъ сего явствуетъ, что сїе начало состоитъ въ желанїи совершенства и благополучїя. Но не Богъ ли соединилъ всѣ вещи между собою такъ, что наше благополучїе бываетъ

(я) Сїе мнѣнїе есть Волфїя, Туммига, Баумейстера и многихъ другихъ Философовъ.

слѣдствїемъ нашего совершенства, а сїе послѣднее причиною перваго? Такимъ образомъ воля Божїя есть всегда первое начало, къ которому всѣ прочїя устремляются.

6. Наконецъ, другїе говорятъ: человѣку разумному свойственно *любить самаго себя;* но сїе *себялюбїе* весьма различествуетъ отъ самолюбїя, или отъ личной корысти, относящей все къ одному себѣ, къ настоящимъ выгодамъ, или къ чувственнымъ пожеланїямъ, и заставляетъ искать полное благополучїе наше вмѣстѣ съ другими и во благѣ другихъ; оно повелѣваетъ находить оное въ Богѣ, яко источникѣ всѣхъ благъ. Наконецъ благородное себялюбїе побуждаетъ насъ гоняться не за временною пользою, но за пользою, сопряженною съ будущимъ вѣкомъ. Почему *разумная*

любовь себя самаго, по мнѣнію сихъ мудролюбцовъ, есть правило и побудительная причина всѣхъ нравственныхъ должностей. Но сіе начало въ существѣ своемъ не различно отъ желанія совершенства и благополучія. Оно равномѣрно возводитъ насъ къ Богу, вперившему въ насъ сію къ себѣ самимъ любовь, нужную для нашего сохраненія, способную побудить насъ пещися о нашемъ совершенствѣ, съ которымъ премудрая Его воля сопрягла неразрывно наше благополучіе.

Не ясно ли усмотрѣть можно, что сіи шесть началъ нравоученія, такимъ образомъ сличаемыя, не различествуютъ по своей сущности? Ибо воля Божія есть то же, что открываетъ здравый разсудокъ внимательному и совѣщающемуся съ нимъ чело-

вѣку; то же, что одобряетъ правая совѣсть; то же, что внушаетъ ему нравственное чувствіе; то же, что сообразно съ природою вещей, или съ ихъ свойственностію (convenance). Уставленная такимъ образомъ отъ Создателя свойственность есть то же самое, что усовершаетъ человѣка и споспѣшествуетъ къ истинному его благополучію. Наконецъ, разумная любовь къ себѣ самому преклоняетъ насъ къ исполненію воли благаго и премудраго Бога; поелику сія воля не иное что есть, какъ совершенство, производящее величайшее наше, какъ настоящее, такъ и будущее щастіе.

ГЛАВА V.

Нравоученіе есть доказательное знаніе.

Поелику нравоученіе основывается такимъ образомъ на весьма многихъ ясныхъ и несомнительныхъ началахъ, кои могутъ быть приняты за неоспоримыя аксіомы, то возможно ли не удивиться, что въ наши времена нѣкоторой писатель изъяснился въ одномъ словарѣ, содержащемъ человѣческія познанія (a), будто *нравоученіе не можетъ быть преподаваемо чрезъ доказательные доводы.*

Признаюсь, что не можно доказывать нравственныхъ предложеній тѣми же самыми доводами, на какихъ утверждается

(a) Encyclopedie de Paris, article *Morale* signé par M. Chevalier de Jaucourt.

геометрическая теорема, то есть сходствомъ или равенствомъ количествъ; ибо сія матерія того не дозволяетъ: но логическія доказательства, основанныя на необходимой связи начала съ его послѣдствіемъ, или посредняго понятія съ заключеніемъ, не столько ли же убѣдительны и несомнѣнны въ своемъ родѣ, какъ и то, что квадратъ гипотенузы равняется двумъ квадратамъ другихъ боковъ? Различные предметы требуютъ безъ сомнѣнія различныхъ доводовъ, и сія разность основывается на природѣ вещей. Дѣло требуетъ свидѣтельственнаго доказательства. Нравственная истинна есть уже довольно доказана, когда она основывается на нравственномъ умозаключеніи, и выводится справедливо по всѣмъ логическимъ правиламъ.

Когда, на примѣръ, я говорю, что разумный и достойнымъ образомъ любящій себя человѣкъ долженъ убѣгать всего того, что можетъ уменьшить его совершенство и благополучіе; а какъ чрезмѣрная закоренѣлая страсть, или распутство, умаляютъ наше совершенство и благополучіе, возмущая наше спокойство, повреждая здоровье, уничижая душу, обезсиливая ея способности и проч.: слѣдственно всякой разумной человѣкъ, любящій себя достойнымъ образомъ, долженъ убѣгать чрезмѣрной закоренѣлой страсти и распутства: то сіе доказательство, вопрошаю я, не столь ли очевидно, не столь ли удостовѣрительно въ своемъ родѣ и способно къ убѣжденію разума, какъ и то, которымъ утверждаютъ, что три

угла всякаго плоскаго треугольника равняются двумъ прямымъ?

Причины, которыми думаютъ доказать неизвѣстность въ нравоученіи, сколь же слабы, сколько вредоносно (а) самое утвержденіе.

Мы не имѣемъ знаковъ, говорятъ; но слова и раздѣльныя понятія, сопряженныя съ оными, не суть ли достаточные и принятые всѣми знаки, для основанія нравственныхъ доказательствъ?

Значеніе сихъ словъ, присовокупляютъ, *можетъ перемѣняться у разныхъ людей*... Правда; но слова не трудно опредѣлить точнымъ образомъ и утвердить оныхъ смыслъ. Въ та-

(а) Смотр. La fable des abeilles, de Mandeville.

комъ случаѣ не будетъ въ нихъ ни разности, ни неизвѣстности въ понятіи, которое даютъ правосудію, умѣренности и проч. *Понятіе о добродѣтели*, говоритъ Цицеронъ (а), *не есть иное въ Римѣ, иное въ Аѳинахъ, иное сего дня, иное завтра. Единственный, повсемстенный и непремѣнный сей законъ долженъ обязывать всѣхъ народовъ во всякое время.*

Корысть, или обманчивыя страсти, противоборствуютъ доказательству . . . . Я согласенъ и на сіе; случается иногда, что сіи страсти въ самомъ дѣлѣ препятствуютъ доказывать извѣстность нравственныхъ положеній. Но изъ сего слѣдуетъ ли, чтобъ

(а) Циц. въ отрывкахъ кн. III. о республикѣ.

нравственное предложеніе было недоказательно только по тому, что человѣкъ въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ не чувствуетъ силы удостовѣренія? Ежели я буду доказывать невнимательному или развлеченному вѣтреными мыслями отроку, что углы при верьху противоположенные, равны между собою, а онъ не пойметъ моего доказательства, то слѣдуетъ ли изъ сего, что мой доводъ недоказателенъ?

ГЛАВА VI.

Нравственная наука есть самая удобная къ уразумѣнію и полезнѣйшая для исполненія.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О простотѣ нравственнаго знанія.

Нравоученіе есть не токмо доказательное знаніе, но оно также для самыхъ неизощренныхъ умовъ преудобное къ постиженію, лишь бы только они были внимательны и правы. Естественный законъ явственъ самъ по себѣ, какъ говоритъ Цицеронъ; онъ же гласитъ, что и справедливый разсудокъ внушаетъ всѣмъ людямъ (а).

(а) См. тамъ же въ отрывкахъ.

И такъ нравственная наука не превосходитъ силы нашего разума и заключается въ насъ самихъ. Мы поступаемъ иногда худо не по другой какой причинѣ, какъ по нѣкоторому заблужденію, причиняемому любимою нашею страстію.

Три рода людей обыкновенно живутъ по нравственности очень хорошо: 1) имѣющіе отъ природы добрыя склонности; 2) напоенные добрыми началами нравоученія; и наконецъ 3) имѣющіе твердой и основательной разумъ. И такъ вотъ три источника добраго поведенія: хорошо образованное сердце, довольно просвѣщенный разсудокъ, и хорошо уразумѣваемая польза; а сіе все зависитъ отъ щастливаго рожденія и выгоднаго сложенія; отъ благоразумнаго воспитанія,

отъ добрыхъ наукъ и наставленій; наконецъ отъ размышленій, опытности, свѣтскаго знанія и обращенія.

Сія опытность и знаніе свѣта суть по справедливости великіе наставники, показывающіе намъ истинныя выгоды, и укрѣпляющіе разсудокъ, яко вину *благоразумія*, которая состоитъ въ навыкѣ избирать и дѣлать то, что для насъ весьма выгодно и полезно.

Отъ любви къ самимъ себѣ раждается желаніе нашего благополучія; *благоразуміе* же показываетъ намъ, что самолюбіе или личная выгода есть противна истинному нашему блаженству и истиннымъ благоразчисляемымъ пользамъ. Почему разумное себялюбіе заключаетъ въ себѣ, содержитъ и производитъ

любовь къ подобнымъ намъ. Самое безкорыстїе есть благороднѣйшее и тончайшее стяжанїе. Правда, корыстолюбїе заставляетъ учинять зло; но сїе корыстолюбїе ложное, мнимое, худо разумѣваемое, настоящее, временное и всегда охуждаемое благоразумїемъ.

И такъ постараемся объяснить себялюбїе, и чрезъ сїе содѣлаемъ нравственность легкою къ изученїю, удобопостигаемою и удобоисполняемою.

Ежели утверждать, что сїе себялюбїе есть единая и дѣятельная пружина человѣческихъ дѣйствїй, то нравоученїе неотмѣнно покажетъ человѣку истинныя его выгоды, цѣлое его стяжанїе, пользу его настоящую, сопряженную съ пользою будущею, временное благо, соединен-

ное съ благополучіемъ вѣчнымъ, и содѣлаетъ его весьма чувствительнымъ къ симъ истиннамъ.

Слѣдовательно все нравоученіе состоитъ въ благоучрежденныхъ *разчисленіяхъ*; но разчислять долженствуетъ всегда разумъ: никогда воображеніе или страсть. Справедливость есть разчисленіе нашей безопасности, совокупленной съ безопасностію другихъ; умѣренность есть разчисленіе настоящихъ и будущихъ нашихъ удовольствій, сопряженныхъ съ здравіемъ и нашимъ сохраненіемъ; благотвореніе есть разчисленіе того, что мы должны отдѣлить отъ своихъ избытковъ, остающихся сверьхъ нужнаго, дабы удовлетворить нуждамъ другихъ. То же самое можно сказать и о всѣхъ добродѣтеляхъ.

Многія изъ сихъ добродѣтелей, по причинѣ мудраго разчисленія, дѣлаются слѣдствіями благоразумной *экономіи* или *бережливости*. Бережливость времени производитъ прилѣжаніе, досужность, трудолюбіе; бережливость денегъ производитъ щедрость, благотворительность, умѣренность, простоту и самую справедливость. Бережливость удовольствій производитъ трезвость, воздержаніе, такъ что настоящее услажденіе не причиняетъ никакого вреда будущему.

Почему благоразуміе, или наука быть щастливымъ, состоитъ въ томъ, чтобы умѣть всегда справедливо разчислять. Такимъ образомъ человѣкъ съ справедливымъ разсудкомъ, оцѣняющій всякую вещь тѣмъ, чего она стоитъ, почерпающій раздѣльныя и ясныя

понятïя изъ того, что не превышаетъ его способности, дѣйствующïй по нѣкоторыхъ размышленïяхъ, не увлекаемый темными представленïями чувствъ и воображенïя, или непорядочными движенïями страстей, но направляемый ясными понятïями разума, неотмѣнно сдѣлается добродѣтельнымъ и слѣдственно благополучнымъ.

Изъ сего явствуетъ, что нравственное знанïе, подъ какою бы точкою зрѣнïя на него ни взирали, есть не трудно къ прïобрѣтенïю. Оно зависитъ болѣе отъ воли, нежели отъ разумѣнïя; болѣе отъ сердечныхъ чувствованïй, нежели отъ понятïй разсудка. Теорïя онаго проста и непродолжительна, но практика долговременна, и часто бываетъ запутана.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О пользѣ нравственнаго ученія.

Ежели нравственная наука удобна къ уразумѣнію желающихъ, то она изъ всѣхъ также есть наиполезнѣйшая къ исполненію, и для сего самаго обязаны мы болѣе всего оной учиться, болѣе ее узнавать, и со тщаніемъ показывать ее на самомъ дѣйствіи.

Въ семъ знаніи надлежитъ наставлять прежде всякаго другаго искуства юношество и народъ. Какое бы ни было опредѣленіе молодаго человѣка въ обществѣ, но сей наукѣ по предпочтенію достоитъ ему обучаться. Сія наука есть всеобщая; она нужна для богатаго, равно какъ и для бѣднаго; для Государя, также какъ для и подданнаго; для назначеннаго къ упра-

вленїю и начальству, столько же какъ и для призваннаго къ повиновенїю.

Она есть то самое знанїе, на которомъ наиболѣе долженствуютъ утверждаться Богословы, служители вѣры и церковные учители въ ихъ словахъ, равно какъ и въ ихъ писанїяхъ. Она должна составлять главный предметъ произносимыхъ къ Христїанамъ назидательныхъ наставленїй; поелику Іисусъ Христосъ, Сынъ Божїй, совершенный образецъ всѣхъ учителей, во всѣхъ своихъ разговорахъ прилѣпляется наипаче ко нравоученїю.

Пусть человѣкъ будетъ свѣдущъ во многихъ частяхъ Богословїя, въ Полемикѣ и проч. пусть будетъ ревностенъ къ нѣкоторымъ догматамъ; но ежели онъ не знаетъ или не любитъ право-

ученія, или не поступаетъ по оному, то можетъ ли онъ быть столько полезенъ людямъ и обществу, и столь пріятенъ своему Создателю, какъ тотъ честной и кроткой гражданинъ, который хотя никогда не обучался Богословской системѣ, но знаетъ нравоученіе, любитъ нѣжно начала онаго и доказываетъ то на самомъ дѣлѣ?

Впрочемъ люди по нещастію не согласны во многихъ догматахъ, но по щастію всѣ единодушно признаютъ истинны и должности нравственныя. Богословскіе споры раздирали общество и церковь, но нравоученіе клонится единственно къ соединенію людей чрезъ снисхожденіе и доброхотство, стремится къ содѣйствованію всеобщаго благополучія человѣческаго рода по-

средствомъ общественныхъ добродѣтелей. Пусть человѣкъ не принимаетъ нѣкоторыхъ догматовъ, но лишь точно да послѣдуетъ правиламъ нравоученія. Не довольно ли сего будетъ для блага общественнаго, для спокойствія церкви и государства? Но довольно ли сего, спроситъ иной, для спасенія сего человѣка? Сіе предоставляется судить Богу. *Ты кто еси судяй чуждему рабу?*

У насъ не достаетъ еще катихизиса всеобщаго нравоученія, т. е. такого сочиненія, которое видѣть изданнымъ въ свѣтъ весьма желательно. Сія книга безъ сомнѣнія была бы чрезвычайно полезна для всѣхъ людей во всякихъ знаніяхъ и во всѣхъ отношеніяхъ. Много сочинено символовъ, или исповѣданій вѣры;

часто заводимы были споры для защищенія и опроверженія оныхъ; но они послужили только предлогомъ ко многимъ насиліямъ, ко многимъ войнамъ и гоненіямъ. Для чегожъ бы не сдѣлать исповѣданія нравственнаго ученія и такихъ положеній, которымъ бы никто не могъ противорѣчить? Нравоучительныя истинны были бы членами сего исповѣданія и правиломъ нравовъ, такъ какъ въ послѣдній день будутъ онѣ правиломъ суда, которой произнесетъ Господь для всѣхъ человѣковъ.

Поистиннѣ мы будемъ нѣкогда всѣ судимы, не столько по чиноположеніямъ вѣры, сколько по правиламъ поведенія; не по тому, чему мы просто вѣрили, но по содѣянному нами; не по безплодной ревности къ извѣстнымъ догматамъ, но по отноше-

нїю усердїя нашего къ добрымъ дѣламъ.

Подъ какою бы точкою зрѣнїя ни взирали мы на нравоученїе, оно всегда покажется изъ всѣхъ полезнѣйшимъ и нужнѣйшимъ для времени и вѣчности. Подобно дневному свѣтилу, восходящему на лазуревый горизонтъ, нравоученїе освѣщаетъ душу нашу съ перваго перїода жизни, во время всего ея поприща, при ея склоненїи и при самой смерти. Оно простираетъ свѣтъ свой на всѣ управляемыя имъ душевныя способности. Человѣкъ, отверзающїй глаза на сей свѣтильникъ, видитъ пространство всѣхъ своихъ должностей, употребленїе всѣхъ своихъ способностей, дарованїй, и причину своего бытїя.

Нравоученїе есть не простой токмо свѣтъ, озаряющїй нашъ

разумъ, но дѣйствительный пламень, оживотворяющій сердце. Сія пріятная теплота, яко небесный употребляемый Богомъ огнь, разгорячаетъ естественныя добрыя склонности, подкрѣпляетъ совѣсть, умерщвляетъ страсти, преклоняетъ волю. Желаніе къ дѣланію добра возрастаетъ въ насъ по мѣрѣ пріобрѣтаемыхъ нами ясныхъ понятій о нашихъ должностяхъ, и въ соразмѣрность того, сколько мы чувствуемъ силу побужденій и изящество добродѣтели. Отъ сего раждается внутреннее удовольствіе, утверждающее насъ еще болѣе во благѣ.

Сіе внутреннее услажденіе, первое благодѣяніе и первая награда добродѣтели, подобно какъ тихій потокъ, приноситъ плодородіе нашему сердцу, питаетъ

обрѣтающіяся въ немъ щастливыя склонности, заставляетъ ихъ пускать глубокіе корни, и производитъ сладкіе плоды. Въ то же самое время умножается омерзѣніе къ пороку; познается его гнусность и тѣ нещастія, кои влечетъ онъ за собою. Сіе отвращеніе сопутствуетъ съ нами въ искушеніяхъ и доставляетъ надъ оными побѣду.

Такимъ образомъ нравоученіе, просвѣщая разумъ, назидаетъ его въ мудрости; очищая сердце, подаетъ оному навыкъ къ добродѣтели, и сими двумя стезями ведетъ человѣка къ благополучію земному, но гораздо вѣрнѣе къ блаженству небесному.

Въ самомъ дѣлѣ сіе небесное ученіе ничего не оставляетъ смертному желать въ разсужденіи чаянія вѣчнаго блаженства. Оно по-

казываетъ ему отношенїе, находящееся между имъ и Всевышнимъ Существомъ; и сїе познанїе, устремляющее его любить Бога, покланяться Ему съ боголѣпною честїю и покаряться провидѣнїю Его, полагаетъ верьхъ благополучїю его и исполняетъ всѣ его желанїя.

Съ таковыми понятїями и чувствованїями человѣкъ становится способнымъ къ величайшимъ пожертвованїямъ, дабы исполнить свои должности. Тогда помогаетъ и предстоитъ ему укрѣпляющїй его Богъ. Увѣренный о вѣчномъ существованїи, о совершенномъ благополучїи и о наградѣ добродѣтели человѣкъ бываетъ въ состоянїи выдержать чрезвычайныя усилїя. Сердце его желало сего благополучїя, способности его оное предвозвѣщали,

совершенства Божіи удостовѣряли въ ономъ, но откровеніе Божеское обѣщаетъ ему то весьма ясно. Съ сими надеждами, съ сею склонностію къ добру и съ Божіимъ вспомоществованіемъ, онъ пріуготовился уже противостоять сильнѣйшимъ искушеніямъ, которыя бы могли уловить и удалить его отъ своей должности.

И такъ заключимъ, что ученіе нравственности есть преважнѣйшее для всякаго возраста и для всякаго состоянія жизни; есть самая существенная часть религіи, заслуживающая наибольшее вниманіе и всѣ попеченія разумнаго человѣка.

Религія или исповѣданіе премудраго Бога есть не пустое умозрѣніе, не безполезная школьная наука, не полемическое уче-

нïе, ниже пріуготовительное знаніе, чтобы блеснуть глубокостію или тонкостію разума, и подать случай къ тысячѣ безплодныхъ прѣній: нѣтъ, оно есть всеобщая нравственность, совершенно дѣятельная наука, или такое наставленіе, которое обязаны мы содержать въ нашемъ сердцѣ; наставленіе, просвѣщающее совѣсть, направляющее волю, обуздывающее страсти; словомъ, оно должно быть правиломъ нашего поведенія въ уединенïи и въ свѣтскихъ суетахъ, въ трудахъ, равно какъ въ покоѣ и увеселеніяхъ, въ блистательномъ щастïи, также какъ и въ прискорбномъ состоянïи, въ здравïи и болѣзни, въ цвѣтѣ младости, также какъ и при истощенной дряхлости. Оно служитъ вѣрнымъ руководствомъ во всѣхъ

отношенїяхъ, во всѣхъ состоянїяхъ жизни, для сына, отца, брата, родственника, для мужа и жены, для господина и слуги, для Монарха и подданнаго, для гражданина отечества, или для гражданина цѣлаго мїра и вѣчности.

ГЛАВА VII.

Исторїя нравственнаго ученїя.

По предварительныхъ понятїяхъ, кратко представленныхъ нами о нравоученїи, дабы показать свойство онаго, обширность, части, дабы изъяснить также начала и первоначальныя истины, касательно Бога и человѣка, и подать свѣденїе о простотѣ и пользѣ его, не безполезно будетъ обозрѣть Исторїю сей науки. Предписанныя нами гра-

ницы въ сихъ основанїяхъ не позволяютъ намъ войти въ подробность, требуемую сею важною матерїею, которая заслуживаетъ наше вниманїе не по пустому любопытству. Разсматривая заблужденїя человѣковъ, сколь бы желательно было, когда бы мы всѣ научились избѣгать оныхъ (а)!

Всѣ, даже самые древнїе народы, имѣли Философовъ и Законодателей, обращавшихъ вниманїе свое на нравственное знанїе, или излагавшихъ оное съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ и чистотою. У Египтянъ, Китайцевъ, Персовъ, Грековъ и Рим-

(а) Смотри Бруккерову Критическую Исторїю Философїи, также Сокращенную Исторїю Философїи Формея, и наконецъ l' Hiſtoire de la Philoſophie par Deſlandes, и проч.

лянъ сіи славные люди были благотворителями человѣческаго рода въ соразмѣрность разліяннаго ими свѣта на сію науку, которая должна занимать первое мѣсто между всѣми познаніями, доспойными человѣка.

Желательно, ежели бы кто нибудь предпріялъ собрать въ правильную систему все, что разумъ человѣческій съ первыхъ временъ представлялъ полезнаго въ семъ родѣ; но притомъ опасаясь, чтобъ не приводить никакихъ нелѣпостей, примѣшанныхъ къ тому суевѣріемъ или религіею разныхъ народовъ.

Поистиннѣ жрецы всѣхъ сихъ религій были всегда болѣе внимательны къ распространенію ихъ суевѣрій, басней, догматовъ, чиноположенія, нежели къ проповѣданію небесныхъ истиннъ чи-

стаго нравоученія (а); болѣе ра-
чительны въ утвержденіи и за-
щищеніи власти ихъ на земли,
нежели въ пріуготовленіи людей
къ райскимъ небеснымъ селеніямъ.

Изложить для насъ полную
систему высокаго нравоученія,
составляющаго какъ бы сущность
Божескаго наставленія, пред-
оставлено было святому исповѣ-
данію благаго и премудраго
Бога (б).

(а) Смотри Leland nouvelle demonstration Evangelique.

(б) Смотри и читай проповѣдь Спасителя нашего Іисуса Христа, произнесенную имъ на горѣ къ народу, Матѳ. гл. V. VI. VII. и всѣ поучительныя наставленія сего божественнаго Учителя, сохраненныя намъ во Евангеліи, числомъ 71. Смотри также Апостольскія разсужденія въ Дѣяніяхъ, коихъ числомъ 17. — Повсюду блистаетъ тамъ одинаковый духъ

Нравоученіе Моисея, сего древняго Еврейскаго законодателя, возвѣщаетъ уже громогласно по своей полнотѣ и изяществу о небесномъ своемъ происхожденіи. Взывая человѣка къ почитанію единаго и истиннаго Бога, оно показываетъ ему, что внутреннія чувствія и любовь къ сему Существу составляютъ сущность предписываемаго имъ богослуженія; что любовь къ подобнымъ себѣ есть содержаніе и начало всѣхъ относящихся къ нимъ должностей, и что наконецъ управляя свои желанія, похоти или страсти, можно удалиться отъ всего влекущаго къ пороку и преступленію. Всѣ древніе вѣки

святости, представляющій всегда нравоученіе сущностію вѣры во Спасителя.

не доставили намъ ничего столь превосходнаго ни сравнительнаго съ нравоучительною Моисеевою системою (а). Блаженны бы были Іудеи, естьли бы менѣе привязываясь къ наружнымъ обрядамъ, умѣли возвышать душу свою тѣми чистыми и высокими чувствованіями, кои религія внушить имъ старалась! Желающій подробныя имѣть о семъ свѣденія, можетъ читать Сельдена, коимъ вся система Еврейскаго законодательства разобрана весьма тщательно (б).

Древніе восточные народы имѣли также нравоученіе, но закрытое эмблеммами и смѣшанное

(а) Второзак. IV. 8. Исход. XXI, 1. Псал. CXLVII. 19. 20.

(б) De legibus Hebraeorum. — Witsius in decalogum.

со многими суевѣрїями. Гидъ (а) и Гербелотъ (б) собрали существующїя еще идеи о знанїи сихъ народовъ.

Зороастръ Персидскїй, жившїй около времень плѣненїя Іудейскаго въ Вавилонѣ, внесъ въ свой Зендавестъ начала и правила довольно чистаго нравоученія, но со множествомъ заблужденїй о религїи.

Египтяне содержали въ нѣкоторыя времена довольно чистое нравоученїе; но суевѣрїе обезобразило оное страннымъ образомъ (в).

Въ памятникахъ древней Грецїи начинаемъ мы находить нѣ-

(а) De religione veterum Persarum.
(б) Biblioth. orient.
(в) Смотри Pantheon Aegyptiacum Яблонскаго.

что пополнительное въ разсужденіи нравоученія. Сперва названы были семью мудрецами семеро славныхъ людей, Философовъ или законодавцевъ, кои полезны были во многихъ Греческихъ городахъ, и коихъ многія наставленія сохранялись чрезъ долгое время. Имена сихъ мужей суть: Талесъ, Солонъ, Хилонъ, Питтакъ, Віасъ, Клеобулъ, Періандръ (а).

Одно изъ самыхъ именитыхъ сочиненій, приписываемыхъ Пиѳагору, состоитъ въ златыхъ его стихахъ, въ коихъ находятся прекрасныя нравоучительныя правила. У сего Философа было великое множество учениковъ, раздѣлявшихся на многія секты или

(а) Деларрей описалъ подробно жизнь седьми Греческихъ мудрецовъ.

сообщества. Секта Елеатическая имѣла многихъ славныхъ начальниковъ. Гераклитъ составилъ также особое общество, равно какъ Епикуръ и по томъ Пиррон.

Въ собственной Греціи секта Іоническая имѣла многихъ послѣдователей. Талесъ почитается основателемъ сего общества, отъ котораго произошло послѣ Сократово училище.

Всѣ сіи Философы занимались нравоученіемъ очень мало, а большею частію прилѣплялись къ Физикѣ. Но Сократъ совершенно устремилъ мысли свои къ единой нравственной наукѣ, признаваясь впрочемъ, будто *онъ знаетъ только то, что ничего не знаетъ.* Для сего самаго и Цицеронъ утверждаетъ, что Сократъ былъ первой изъ Греческихъ Философовъ, обучавшій нравственности;

то есть, познавая лучше свою цѣну, оставилъ онъ неизвѣстности Физическія, тонкости Метафизическія, басни и бредни жрецовъ, дабы привергнуться къ вѣрнымъ началамъ нравоученія, и трудиться такимъ образомъ о исправленіи нравовъ. Въ сей точкѣ зрѣнія превзошелъ онъ всѣхъ прежнихъ и послѣ его бывшихъ Философовъ.

Сократъ научалъ, что Богъ, хотя невидимый, можетъ однако быть познанъ умѣющими разсматривать Его творенія; что Онъ есть существо совершенное, сотворшее и содержащее мiръ и первая вина всего въ немъ происходящаго; что Онъ печется о человѣкѣ и о другихъ тварѣхъ; знаетъ всѣ дѣла смертныхъ; накажетъ со временемъ злыхъ, и вознаградитъ добрыхъ. Душа,

по его мнѣнію, имѣетъ нѣчто общаго съ Божескимъ естествомъ, и Богъ судилъ за достойное даровать человѣку изъ всѣхъ превосходнѣйшую душу, разумѣніе, способное Его познавать, служить Ему, и возвышаться чрезъ высокія познанія. Онъ вѣрилъ, что сія душа есть безсмертна, и, оставивъ мертвенное тѣло, возвратится на небо, куда отверстъ для нее восходъ.

На сихъ чистыхъ и несомнительныхъ истинахъ утверждалъ онъ свою нравственную науку. Онъ основывалъ правила поступокъ или поведенія человѣческаго на двухъ началахъ, какъ-то, на извѣстности Божескаго провидѣнія и на безсмертіи души.

Истинное и единственное благо полагалъ онъ въ знаніи; но чрезъ сіе разумѣлъ онъ науку ве-

сти себя порядочно, или *мудрость*, потому что человѣкъ обязанъ просвѣщать свой разумъ единственно для управленія своей воли. Въ семъ-то поставлялъ онъ *добродѣтель*, и къ сему-то относилъ онъ услажденія, не отдѣляя никогда полезное отъ справедливаго, ниже признавая спокойствіе души безъ содѣланія добра.

Онъ наставлялъ, что можно сдѣлаться добродѣтельнымъ чрезъ неусыпное познаваніе самаго себя, и что сіе познаніе руководствуетъ въ то же самое время къ мудрости и добродѣтели, кои суть одно и то же.

Онъ полагалъ Божеское служеніе въ чистотѣ сердца и въ повиновеніи Божественнымъ законамъ, утверждая, что одни законы есть неписанные или Боже-

скïе законы, а другïе провозглашенные людьми и приняпые въ отечествѣ, съ которыми также надлежитъ сообразоваться.

Почитая богатство даромъ Провидѣнïя, поучалъ употреблять оное сходственно съ разумомъ, потому что въ жизни нѣтъ прямо полезныхъ вещей, кромѣ употребляемыхъ къ доброму концу, и что безпорядочныя страсти причиняютъ нещастïе человѣку и гибель государствамъ.

Жрецы и софисты (словопрѣтели), предметы укоризнъ сего великаго человѣка, немедленно сдѣлались тайными его врагами, а наконецъ и явными доносщиками. Сократъ, обвиненный ими въ нечестïи и брошенный въ тюрьму, изъ которой не хотѣлъ онъ выпти противъ законовъ, приговоренъ былъ къ принятïю яда, и

умеръ примѣрнымъ мудрецомъ. Неправосудіе, коего тотчасъ дознана была лютость, и потеря его возбудили сожалѣніе всей Греціи.

Ксенофонтъ, знаменитый Сократовъ ученикъ и великій полководецъ, сохранилъ намъ нѣкоторую часть разговоровъ своего друга (а).

Платонъ наполнилъ свои сочиненія началами и мудрыми наставленіями своего учителя; но будучи рѣшительнѣе его, присовокупилъ къ онымъ многія мнѣнія о Физикѣ и сверьхъестественницѣ, кои однакожъ не столько были полезны.

Аристотель сдѣлалъ изъ нравоученія сего Философа правильную систему, которая мо-

(а) Memorabilia Socratis.

гла почесться первымъ сочиненіемъ сего рода. Она раздѣляется на три части: на собственно называемое нравоученіе, на домоправленіе и политику.

Изъ училища Сократова произошли три главныя секты: Циренаическая, Мегарическая и Елїатическая; но въ нихъ почти совсѣмъ забыто было нравоученіе, а предавались по большой части пщетнымъ изысканіямъ, отъ чего немедленно повредилась самая чистота его началъ.

Отъ Платона родилось училище Академиковъ, а отъ Аристотеля Перипатетиковъ (а).

Зенонъ былъ начальникомъ Стоиковъ, коихъ нравоученіе весьма

(а) Смотр. Launoi, de varia Ariſtotelis fortuna.

прославлялось. Но оно многимъ здравомыслящимъ умамъ казалось слишкомъ надменнымъ. Ихъ физическая и математическая система представляла тысячу затрудненій; но правоученіе ихъ, надлежитъ признаться, было чрезмѣрно строго. Вотъ главное ихъ начало: *поступать сообразно установленію человѣческой природы, и верьховное благо человѣка заключать въ просвѣщеніи разума и исполненіи добродѣтели.* Они, называя мїръ обширнымъ царствомъ, коего Богъ есть верьховный Владыка, научали, что всякой смертной долженъ относить свои дѣйствія къ сему цѣлому, не предпочитая никогда частной своей выгоды, и споспѣшествовать добру всѣхъ людей безъ всякаго другаго вида, кромѣ добродѣтели.

Эпиктетъ, Маркъ-Антонинъ, Плутархъ и Сенека изложили различныя части сего Стоическаго нравоученія въ ихъ сочиненіяхъ, соблюденныхъ до нашихъ временъ (а).

Нравоученіе Епикура, современника Зенонова, казалось вообще вредоноснымъ. Способъ, которымъ ученики толковали его ученіе о удовольствіи и благополучіи, содѣйствовалъ къ приведенію онаго въ презрѣніе. Но нѣкоторые Авторы старались сіе ученіе оправдать (б).

Римъ пребывалъ долгое время безъ философскихъ и нравствен-

(а) Смотри предисловіе и примѣчанія Томаса Гатакера на изящныя правила Марка-Антонина.

(б) См. Гассендія о Епикуровомъ нравоученіи, sur la morale d' Epicure.

ныхъ училищъ. Однакожъ въ немъ произникали добродѣтельные нравы и великіе люди. Домашнее воспитаніе и хорошіе примѣры замѣняли недостатокъ публичнаго наставленія. Римляне, побѣдители Греціи, присутствовали на лекціяхъ Философовъ, и получили вкусъ къ ихъ изысканіямъ. Сципіонъ Африканскій и Лелій-Фурій пристали къ Стоическому ученію, и во время Силлина Диктаторства, Философія Грековъ учинилась извѣстною Римлянамъ, раздѣлявшимся на разныя секты; но Стоическая, Перипатетическая и Епикурейская взяли надъ всѣми преимущество.

Цицеронъ преклонялся по видимому въ Философическихъ своихъ сочиненіяхъ къ сторонѣ Академиковъ; но въ его должностяхъ (de officiis) и другихъ нравствен-

ныхъ твореніяхъ оказывается онъ Стоикомъ. Сочиненія его о *законахъ* и о *республикѣ*, по нещастію неполныя, коихъ мы имѣемъ только одни отрывки, суть драгоцѣнные памятники для нравоучительнаго знанія тогдашнихъ временъ.

Споры между сими тремя большими сектами, то есть, между Стоиками, Епикурейцами и Перипатетиками, относительно къ нравоученію, ограничивались распоряженіемъ предметовъ, и приваровкою словъ *добра* и *зла*.

Епикурейцы называли *благомъ* одни услажденія, а *зломъ* одни страданія. Они утверждали, что чувственность плотская есть первоначальной источникъ всѣхъ услажденій, а удовольствія разумныя суть только воспоминаніе и представленіе

нашихъ ощущенiй. Вотъ корень заблужденiй сея системы! Чрезъ нее Епикуреецъ стремился ограничивать свои попеченiя въ одномъ себѣ и помышлять объ одномъ тѣлѣ. Таковая плотская чувственность уничижаетъ чрезмѣрно разумную и безсмертную душу, долженствующую со временемъ оставить бренное сiе тѣло.

Перипатетики именовали *благомъ* не только наслажденiя и благоуспѣшество, но еще качества и совершенства; а *зломъ* называли страданiя, неудачу, недостатки и несовершенства. Но *добродѣтель* почитали однимъ изъ важнѣйшихъ *благъ*, равно какъ порокъ однимъ изъ величайшихъ *золъ*. Сiе понятiе о *добрѣ* и *злѣ* принимается общимъ всѣхъ мнѣнiемъ, когда люди

не предаются странностямъ и не привязываются надмѣру къ какой нибудь системѣ.

Стоики устремлялись съ Епикурейцами на противоположенныя крайности. Они ничего не называли *благомъ*, кромѣ одной *добродѣтели*, и ничего *зломъ*, кромѣ одного *порока*. Такимъ образомъ добродѣтельной и мудрой человѣкъ не страдаетъ по ихъ мнѣнію, и изъятъ отъ всякаго зла среди самыхъ ужаснѣйшихъ мученій. Одна только *доброта*, по ихъ началамъ, составляетъ единственное благо человѣка, а лишеніе оной производитъ единое зло. Прочія вещи не заслуживаютъ сего имени, или не зависятъ отъ нашего выбора, потому что Богъ удержалъ за собою право раздаванія оныхъ, а намъ предоставилъ только на волю

наши намѣренія. Ежели предначинаніе хорошо, то мы наслаждаемся благомъ при всякихъ обстоятельствахъ и во всѣхъ случаяхъ. Но сіе значитъ называть благомъ нашу должность. Добродѣтель Стоиковъ могла подстрекнуть ихъ къ геройству. Они болѣе имѣли побужденій ко всеобщему доброжелательству; но ихъ мнѣнія, лаская надмѣру человѣческой гордости, возносили также слишкомъ много притязанія человѣческой природы (а). Извѣстно, что *добродѣтель* есть *величайшее благо*, да и желательно, чтобы человѣкъ въ сей жизни привергался къ одному

(а) Сенека въ превосходныхъ своихъ нравственныхъ сочиненіяхъ нѣсколько смягчаетъ сіи строгія понятія, и подаетъ вездѣ изящныя наставленія о добродѣтели.

ному. Но вѣроятно, что душа его не прежде достигнетъ сего степени совершенства, какъ въ будущемъ вѣкѣ (а), который будетъ также неизчерпаемымъ источникомъ его благополучія.

Послѣ просвѣщенныхъ Августова и Тиверіева вѣковъ восходили на Императорскій престолъ Государи недостойные царствованія, то есть, Калигула, Клавдій, Неронъ и Домитіанъ, при которыхъ нравственная наука не могла усовершиться.

Преемники ихъ, Траянъ, Адріянъ, особливо Антонины, возжгли свѣтильникъ человѣческаго разума; паче всѣхъ Маркъ-Аврелій-Антонинъ оставилъ намъ въ своихъ размышленіяхъ удиви-

(а) Смотр. Essai de Montaigue кн. II. гл. 12.

тельныя и прекрасныя нравоучительныя наставленія.

Послѣ сихъ временъ, Философскія секты, Пиѳагорическія, Платоническія и Елеатическія предались неизвѣстнымъ и безполезнымъ изысканіямъ. Отъ сего родились противорѣчія и раздоры, приведшія въ забвеніе нравственную науку, которая бы долженствовала быть главнымъ предметомъ благоразумной Философіи (а). Сверьхъ сего примѣшали также Метафизическія бредни къ простому и чистому Евангельскому ученію, и его священная и высокая нравственность была испорчена (б).

(а) О Философіи сихъ временъ смотри Гудворта le ſyſteme intellect.

(б) О нравственности отцовъ (монаховъ) читай въ сочиненіяхъ Барбейрака и Дона-Сейлїера.

Впаденія варваровъ въ пятомъ и шестомъ вѣкахъ въ Римскую Имперію, прогнали изъ оной всю Философію. Консулъ Боэцій былъ какъ бы блестящее явленіе среди сего мрака. Въ седьмомъ вѣкѣ Папа Григорій старался усильно истребить остатки наукъ, подставляя вмѣсто драгоцѣнныхъ древнихъ книгъ нравственныя сложенія безъ вкуса и разсужденія. Карлъ Великій по своему примѣрному тщанію воскресилъ паки науки.

Варварство и суевѣріе, уничтожающія всякую нравственность, взошли на самый свой верьхъ въ десятомъ вѣкѣ. — Право Папское вмѣстѣ съ схоластическою Философіею и церковнымъ насиліемъ произникло въ одиннатцатомъ столѣтіи.

Это былъ изъясняемый, толкуемый и обезображиваемый премногими тонкостями Аристотель. Царство сея схоластическія Философіи продолжалось съ одиннадцатаго по пятнадцатое столѣтіе. Она столько же вредна и предосудительна была для религіи, сколько и для прочихъ наукъ и нравственности. Сіе нравоученіе, схоластически преподаваемое, сдѣлалось собраніемъ темныхъ дистинкцій или раздѣленій, безполезныхъ тонкостей и вопросовъ, смѣсью правилъ древней нравственной Философіи, гражданскихъ законовъ, каноническаго и отеческаго права, соединеннаго съ нѣкоторыми правилами священнаго, но худо истолкованнаго писанія.

Казуисты (*) послѣднихъ вѣковъ ни въ чемъ такъ не успѣли, какъ въ присовокупленіи къ толь многимъ темнотамъ новыхъ тонкостей, вредныхъ заблужденій, и соблазнительныхъ подробностей о такихъ грѣхахъ, о которыхъ честныя души безъ вранья ихъ не имѣли бы можетъ быть и малѣйшаго свѣденія (а).

Въ исправительномъ столѣтіи (XVI) умы, обратившіеся къ состязанію о вѣрѣ и церковныхъ догматахъ, совершенно забыли, что нравоученіе составляетъ сущность Христіанства, и что въ случаѣ соглашенія всѣхъ членовъ

(*) Казуистами называется особый классъ Богослововъ, толкующихъ грѣхи и случаи, касающіеся до совѣсти.

(а) См. Lettres provinciales et les comptes rendus sur les Jesuites par M. de Monclar et par M. de la Chalotais.

о сей важной матеріи, надлежало бы имѣть ко всему прочему терпимость.

Наконецъ нравственная наука воскресла въ послѣднемъ столѣтіи, и Канцлеръ Баконъ былъ однимъ изъ первыхъ ея возстановителей (а).

Гроціи, возбужденный просвѣщеніемъ сего великаго человѣка, первой покусился составить полную систему естественнаго права. Всему свѣту извѣстно его право *войны и мира*, переведенное на Французской языкъ и исполкованное Барбейракомъ.

Ѳома Гоббезій не задолго до Гроціевой смерти, желая слѣдовать по другому пути, заблудился. Онъ поставлялъ началомъ

(а) Смотри его сочиненія и Analyse de sa philosophie 2 vol. Leyde, 1756.

нравоученія сохраненіе самаго себя и собственную выгоду. На семъ зыблемомъ основаніи утверждалъ онъ, что естественное состояніе есть состояніе войны каждаго противу всѣхъ. Но кому неизвѣстно, что первыя узы, связующія насъ при вступленіи въ міръ, суть узы доброжелательства и признательности? Такова есть связь отца съ своими дѣтьми. Естественное состояніе не есть уже состояніе уединенное или одного. Мы не можемъ вообразить существующаго человѣка безъ того, чтобы не предположить семейства, соединеннаго вмѣстѣ не для произведенія войны, но для вспомоществованія, для защищенія другъ друга и взаимнаго сообщенія услугъ. Кто также не знаетъ, что для собственнаго нашего сохраненія

и частной нашей выгоды, мы натурально любимъ другихъ, споспѣшествующихъ нашему благополучію? Мы не можемъ безъ другихъ ни сохранить себя, ни быть благополучными, слѣдовательно мы должны жить съ ними въ мирѣ и единодушіи, дабы получить отъ нихъ помощь и оборону.

Пуффендорфъ, признавая Бога обладателемъ мира, покровителемъ общества и верьховнымъ законодателемъ, а возвѣщенную людямъ посредствомъ разума волю Его за священный законъ, сооружилъ на гораздо твердѣйшихъ началахъ прекрасное зданіе *должностей человѣка и гражданина.* Изящное сіе сочиненіе переведено и изполковано также Барбейракомъ.

Съ сего времени появились многіе знатные писатели, кои одни за другими вступали въ полезное сіи поприще, учинившееся многолюднымъ: Лейбницъ, Вольфъ, Баумейстеръ, Гайнекціи, Бюрламаки, Шафтесбури, Гучезонъ, Фергуссонъ, Кумберландъ, Волластокъ, Деватпель, Монтескіи, творецъ *общественнаго договора* (du contrat ſociale), авторъ *науки правленія*, авторъ *народнаго благополучія* (а), Маркизъ Беккарія, Аббатъ Плюкетъ, Геллертъ, Лапласетъ, Николь, Федеръ, Кантъ, и проч.

(а) Подъ симъ титуломъ: *народное или общественное благополучіе*, *la felicitè publique*, находятся двѣ книги различнаго содержанія, но обѣ наполненыя здравымъ нравоученіемъ.

Но не смотря на столь многія сочиненія о сей важной матеріи, мы не имѣемъ еще книги, содержащей въ себѣ правильную и полную систему *всеобщаго нравоученія*, которое бы разсматривало человѣка въ немъ самомъ, во всѣхъ его отношеніяхъ, и во всѣхъ состояніяхъ, и соединяло бы Евангельскую нравственность съ естественною, поелику оныя не различествуютъ между собою ни въ правилахъ, ни въ должностяхъ, но единственно по Божественному завѣщанію. Сіи наши основанія суть только первое начертаніе или образецъ того *всеобщаго нравоученія*, котораго изобразили мы генеральное расположеніе, да и усердно желаемъ, чтобы какой нибудь искуснѣйшій Философъ дополнилъ всѣ онаго подробности.

Мы можемъ разсматривать людей въ трехъ точкахъ зрѣнія: вообще и безъ всякаго изъятія, въ отношеніи къ нимъ самимъ; къ подобнымъ имъ, и къ всевышнему Существу. Въ семъ разсужденіи имѣютъ они общія и до всѣхъ касающіяся должности, кои можно назвать *должностями человѣка*. Мы представимъ ихъ сокращенно во второй книгѣ.

По томъ можемъ разбирать людей особенно и частно, въ отношеніи къ обществу, съ которымъ сопряжены они различнымъ образомъ. Въ семъ разсужденіи всякой обязывается исполнять должности, происходящія изъ его отношеній. Оныя можно именовать *должностями гражданина*. Мы изслѣдуемъ ихъ въ третьей книгѣ.

Наконецъ можемъ мы разсматривать людей, какъ совокупленныхъ въ различныя общества или государства, и сіи государства въ сношеніи однихъ съ другими. Въ семъ разумѣ народы обязуются также исполнять взаимныя должности, кои можно нарицать *должностями народными*. Мы объяснимъ начала оныхъ въ четвертой книгѣ.

КНИГА II.

О должностяхъ человѣка вообще.

ГЛАВА I.

О нравственности дѣйствій и обязательствѣ.

Нѣтъ ни одного свободнаго дѣйствія, которое бы не споспѣшествовало къ содѣланію насъ совершеннѣйшими, а состоянія нашего лучшимъ и выгоднѣйшимъ, или которое бы не производило болѣе или менѣе противныхъ тому слѣдствій. Въ первомъ случаѣ, дѣйствіе называется *благоразумнымъ*, относительно къ мыслящему Существу оное учинившему; *полезнымъ* въ разсужденіи послѣдствій онаго; *добрымъ и достойнымъ хвалы*, по раз-

смотрѣнію свойства его; наконецъ *позволеннымъ*, потому что оно сообразно волѣ высочайшаго, благаго и премудраго Существа. Во второмъ случаѣ дѣйствіе бываетъ *безразсудное*, *вредное*, *худое*, *достойное хулы*, *и запрещенное*. Въ семъ самомъ состоитъ *предметная нравственность* человѣческихъ дѣйствій (а) (moralitas objectiva).

Умы, склонные къ невѣроятнымъ и чудеснымъ мнѣніямъ (парадоксамъ), по видимому сумнѣвались о существенности сихъ *нравственныхъ раздѣленій* (б). Но поколику человѣкъ есть существо разумное и имѣетъ понятіе о изящности и несовершенствѣ, о красотѣ и безобразіи, о пользѣ

(а) Wolfii Philoſoph. Pract. Univers. part. I.
(б) Смотри выше кн. I. гл. V.

и невыгодности, то надлежитъ, чтобы разумъ его былъ по крайней мѣрѣ не совсѣмъ разстроенъ или возмущаемъ, чтобы чувствіе о состояніи его совершенства заставляло его ощущать одобреніе, удовольствіе, благородную гордость; а чувствіе недостатка его производило бы въ немъ осужденіе, неудовольствіе и стыдъ. Разберемъ наше сердце, прочтемъ исторію, и мы принуждены будемъ признаться, что сердцемъ человѣка обладаютъ нравственныя чувствія. Всѣ дѣла, приводимыя въ подтвержденіе того, что есть многіе люди, въ коихъ сіи нравственныя чувствія, кажется, совсѣмъ погасли, доказываютъ единственно, что многіе испорченные люди отвергли разумъ и уничижили свой разсудокъ.

Отъ сего нравственнаго чувствованія, по отношенію къ себѣ самому, происходятъ чувствія *постоянія* или *презрѣнія* къ другимъ, по мѣрѣ того познанія, которое мы имѣемъ объ ихъ добрыхъ качествахъ или недостаткахъ.

Участіе, принимаемое нами въ нашемъ сохраненіи и нашемъ благополучіи; участіе, которое также мы беремъ во благѣ человѣческаго общества, суть источники предпочтенія, приписываемаго нами извѣстнымъ другихъ характерамъ и извѣстнымъ ихъ дѣйствіямъ; почему *законъ сохраненія* и законъ *общественный* равномѣрно клонятся къ однимъ и тѣмъ же концамъ, и не разнствуютъ въ своихъ предначертаніяхъ. Одинъ и другой изъ сихъ законовъ устремляютъ насъ

ко всему, что можетъ совершить насъ и общество (а).

Какъ человѣкъ никогда не рѣшится безъ достаточной вины, то резоны или причины, преклоняющія волю его, называются *побужденіями*; отъ союза же сихъ побужденій съ тѣми дѣйствіями, кои долженъ онъ исполнить или опустить, раждается *обязательство*. Изъ сего происходитъ понятіе о *законѣ*, то есть о такомъ правилѣ, съ которымъ обязаны мы сообразовать свободныя наши дѣйствія.

Сіи *побужденія*, способныя обратить насъ къ добру и удалить отъ зла, произтекаютъ изъ слѣдствій нашихъ дѣяній,

(а) Theorie des ſentimens moraux, par Smith. — Ferguſſon, Philoſoph. Mor. part. II. ch. III. ſect. VIII.

и сообщаются мыслящему человѣку посредствомъ разума, размышленія и опыта. Сіи побужденія заимствуются также отъ усовершенія нашей души и всѣхъ ея способностей; отъ сохраненія нашего тѣла и всѣхъ онаго членовъ; отъ улучшенія внѣшняго нашего состоянія и всѣхъ относящихся къ оному выгодъ (а).

И такъ неоспоримо, что естественный союзъ существуетъ между всѣми нравственными нашими обязательствами и цѣлымъ нашимъ благополучіемъ, настоящимъ и будущимъ.

Почему всѣ также добрыя дѣйствія имѣютъ видъ сообразности и стройности съ природою вещей и съ тѣми отношеніями, въ коихъ мы здѣсь находимся съ другими существами.

(а) Смотри выше кн. I. гл. IV.

Слѣдственно, по сему разсужденію, просвѣщенная любовь къ себѣ самому должна заставлять насъ искать какъ нашего, такъ и другихъ совершенства, нашей выгоды, равно какъ и намъ подобныхъ, потому что мы не можемъ быть щастливы, какъ вмѣстѣ съ ними и чрезъ нихъ.

По сему наконецъ воля верховнаго Законодателя, извѣщенная разумомъ и откровеніемъ, воля нашего Владыки, которой хощетъ нашего совершенства и благополучія, дѣлается священнымъ обязательствомъ, которому долженствуемъ мы покаряться 1) по правиламъ любви и благодарности; ибо мы обязаны Ему всѣмъ, жизнію, движеніемъ и бытіемъ; 2) по впечатлѣнію надежды и упованія, поелику Онъ создалъ насъ удобовмѣстительными

величайшаго совершенства и благополучія, какого только можемъ достигнуть въ сей жизни; и для сей самой причины надлежитъ намъ безпрестанно стремиться къ полному сему щастію, пріуготовляемому для насъ Его могуществомъ, предопредѣляемому Его премудростію и доставляемому намъ безпредѣльною Его благостію (а).

Таковы суть *общія побужденія*, обязывающія насъ дѣлать добро и удаляться зла. Кромѣ сего, всякое доброе дѣйствіе представляетъ умѣющему здраво размышлять особыя или *частныя побужденія*, утверждающія *обязательство* чинить доброе, или избѣгать чего нибудь худаго.

(а) См. кн. I. гл. IV. и гл. III. отдѣл. I.

ГЛАВА II.

О наказанїяхъ и награжденїяхъ

Когда послѣдствїя какого нибудь дѣла полезны, то сїя польза бываетъ *естественнымъ* за оное *награжденїемъ*. Естьли же слѣдствїя невыгодны, то сїя невыгодность есть *естественное наказанїе*. Сїи *награды* и сїи *наказанїя* учреждаютъ уставленїе закона.

Божеская премудрость сопрягла вещи между собою такъ, что послѣ всякаго добраго дѣйствїя слѣдуетъ награда, а послѣ всякаго худаго наказанїе.

Почему воля Божїя, естество вещей, наше благополучїе и наше совершенство, разумная любовь къ себѣ самому, неразлучная съ любовїю къ другимъ, должны непрестанно обращать насъ къ

добру и отвлекать ежечасно отъ зла.

Какъ скоро доказано, что есть провидѣніе и будущая жизнь, (1) то изъ сего же самаго явствуетъ, что никакое доброе дѣйствіе не останется безъ награжденія, ниже какое либо злое можетъ минуть наказанія. Ежели сего не случается въ настоящей жизни, то непремѣнно сбудется въ грядущемъ устроеніи вѣковъ.

ГЛАВА III.

О добродѣтели и порокѣ.

Добродѣтель есть качество или свойство души, хотя чрезъ нее часто означаются особенныя слѣдствія сего качества.

---

(1) Смотри выше кн. I. гл. III. отдѣлен. I.

Она, разсматриваемая какъ свойство души, заключаетъ въ себѣ расположенїе сообразовать дѣйствїя съ закономъ, съ благоразумїемъ, приспособленїемъ и силою, нужною для всегдашняго ея исполненїя.

Разсуждаемая же въ своихъ слѣдствїяхъ, она есть навыкъ повиноваться каждому изъ сихъ частныхъ законовъ.

Порокъ есть расположенїе или навыкъ къ нарушенїю сихъ же самыхъ законовъ, или качество нашей души, склоняющее ее къ сему нарушенїю.

Мудрость есть знанїе благополучїя, которое можно почитать плодомъ добродѣтели, такъ какъ она и дѣйствительно бываетъ онаго началомъ и источникомъ.

Благоразумїе состоитъ въ избиранїи средствъ, споспѣще-

ствующихъ къ содѣланію насъ добродѣтельными, равно какъ и въ надлежащемъ употребленіи оныхъ. Сіе качество содержитъ въ себѣ разборчивость важности каждаго конца, и пристойность средствъ, служащихъ къ достиженію оныхъ. Безъ онаго не можно поступать съ твердостію, постоянствомъ и успѣхомъ. Почему порочной человѣкъ, яко немудрый и неблагоразумный, никогда не можетъ быть благополучнымъ.

Для пріобрѣтенія же сего благоразумія и мудрости надлежитъ вопервыхъ стараться съ самой младости представлять себѣ справедливыя и ясныя понятія о добромъ, полезномъ, пристойномъ, и слѣдственно о добродѣтельномъ. Ложныя понятія, и недостатокъ точности въ

разумѣ, суть источники заблужденій человѣческихъ и дурныхъ навыковъ. Человѣкъ съ неправымъ разсужденіемъ всегда будетъ порочень. Вовторыхъ надобно снискать привычку изслѣдывать и размышлять прежде начатія какого нибудь дѣйствія. Люди часто по разсѣянности разсудка, по оскудѣнію размышленія и по опрометчивости привыкаютъ и стремятся къ худымъ дѣйствіямъ. Втретьихъ надлежитъ тронуть сердце свое любовію къ добру, научиться предупреждать, управлять и умѣрять тѣ страсти, кои могутъ насъ уловить и привести въ разстройство. Для сей причины каждой долженъ разсматривать и познавать свое сердце, дабы открыть наклоненія онаго, принаровить сіи склонности къ пристойнымъ и закон-

нымъ предметамъ, соразмѣрить дѣятельность оныхъ съ природою, съ достоинствомъ и цѣною сихъ предметовъ; наконецъ покорить всѣ сіи страсти правленію разума. Таковы суть всеобщія правила для *укрощенія страстей*, кои долженствуютъ составлять существенный предметъ нравоученія. Онѣ (т. е. правила) суть дѣйствительнѣйшія средства, могущія содѣлать насъ добродѣтельными. Блаженъ, кто изучивъ оныя, никогда ихъ не забываетъ и умѣетъ имъ послѣдовать!

ГЛАВА IV.

О должности и ея предметахъ.

Понятіе о должности раждается отъ понятія о законѣ. *Должность* есть дѣйствіе, къ которому обязываемся мы зако-

номъ. Добродѣтельный человѣкъ располагается исполнять всѣ свои должности, а такое особенное расположеніе души къ исправленію такой или иной должности называется также добродѣтелію: такова есть *на пр: благочестіе, воздержаніе, справедливость, доброжелательство, благотворность.*

Сіи всеобщія должности имѣютъ въ нравоученіи три предмета: Бога, насъ самихъ и ближняго. Всѣ онѣ происходятъ отъ однихъ и тѣхъ же началъ, и сливаются, такъ сказать, въ одномъ средоточіи.

Нужно, чтобы разумное существо, имѣющее *сознаніе* о своемъ состояніи, любило самаго себя. То, что безсловесныя животныя чинятъ по врожденному побужденію, разумный человѣкъ дѣлаетъ

съ размышленіемъ, по разсудку и выбору. Но ежели разумное существо не имѣетъ справедливыхъ понятій о своемъ благополучіи и о томъ, что можетъ оное произвести и обезопасить, то слѣпая и обманчивая его къ самому себѣ любовь заводитъ его отъ часу въ большее заблужденіе. Естьли же сія любовь напротивъ того просвѣщенна и руководима разсудкомъ, то становится она дѣятельнымъ началомъ всѣхъ добродѣтелей и побужденіемъ къ преизящнымъ, великодушнѣйшимъ и геройскимъ дѣйствіямъ.

Почему просвѣщенная и разумная любовь къ себѣ самому, возбуждаетъ насъ любить Бога, какъ существо совершенное, какъ нашего благотворителя, какъ нашего мздовоздаятеля, какъ наше верховное благо, какъ еди-

ное благое, сильное и вѣчное существо, могущее утвердить безсмертную душу нашу въ совершенствѣ, которое она вмѣстить въ себя можетъ, равно какъ и въ вожделѣнномъ ею благополучіи, къ которому она способна.

Сія просвѣщенная любовь побуждаетъ насъ еще любить подобныхъ намъ, какъ созданія Божія, сотворенныя Имъ для совокупнаго съ нами сожительства въ обществѣ; какъ такія существа, безъ коихъ не можемъ мы въ настоящемъ вѣкѣ наслаждаться опредѣленнымъ намъ благополучіемъ; какъ такія лица, коихъ совершенство и щастіе необходимо споспѣшествуетъ нашему.

Наконецъ просвѣщенное себялюбіе производитъ любовь и при-

верженность къ добродѣтели; ибо оно показываетъ намъ сію источникомъ совершенства нашей души и всѣхъ ея способностей, началомъ величайшаго нашего благополучія настоящаго и будущаго. Вотъ какимъ образомъ себялюбіе можетъ сдѣлаться обильнымъ ключемъ, изъ котораго можемъ мы почерпать всѣ побужденія нашихъ должностей (а).

ГЛАВА V.

О должностяхъ въ разсужденіи Бога.

Религія или исповѣданіе есть чувствованіе души въ отношеніи къ Богу. Сіе чувствіе есть самое сладчайшее и наиполезнѣйшее, которымъ только человѣкъ можетъ быть преисполненъ.

(а) Смотри выше книг. II. глав. I.

Люди, слишкомъ пристрастившіеся къ необычайнымъ и чудеснымъ мнѣніямъ, говорили, что *страхъ* породилъ религію; но не лучше ли сказать, что произвели оную упованіе и надежда, любовь и признательность?

Вопще будемъ мы прилагать попеченія, чтобъ сдѣлаться щастливыми чрезъ себя самихъ, или посредствомъ твореній. — Все наше благополучіе, настоящее и будущее, зависитъ отъ Бога, которому обязаны мы бытіемъ, житейскими благами, и отъ котораго ожидаемъ еще того, въ чемъ имѣемъ недостатокъ. Вотъ начало *естественной религіи*, которую откровенная вѣра содѣлала гораздо яснѣйшею и вразумительнѣйшею, и основала ее на *существительнѣйшихъ* вещахъ.

И такъ намъ необходимо нужно познать сего всесовершеннаго Бога, для нашей надежды и успѣшенія. Сіе вѣденіе Бога, или сіе *познаніе* Его совершенствъ, есть первая должность разумнаго созданія (а).

Таковыя ясныя и раздѣльныя понятія должны производить въ сердцѣ соотвѣтственныя онымъ *чувствія*. Почему мысль о благости Божіей и о изяществѣ нравственнаго Его свойства раждаетъ чувствіе *любви*; понятіе о милосердіи Его раждаетъ *благодарность*; понятіе о премудрости и власти Его заставляетъ насъ препоручать себя волѣ Его; мысль о могуществѣ Божіемъ производитъ полное на Него упованіе; посильное постиже-

(а) Выше кн. I. гл. 2.

нїе безпредѣльнаго величїя Его вперяетъ благоговѣнїе и покорность Его велѣнїямъ. Я не буду останавливаться въ разбираніи сихъ чувствїй и ихъ свойствъ.

Но какъ нѣтъ ничего совершеннѣе Бога, чистаго источника всѣхъ совершенствъ и всѣхъ превосходныхъ даровъ, слѣдственно мы ни къ чему не должны имѣть ни большей, ни равной любви, каковую обязаны питать въ себѣ къ сему высочайшему Существу. Для сего - то требуетъ Оно, чтобы мы любили Его столько, сколько Оно достойно, всѣмъ нашимъ сердцемъ, всею нашею душею, всѣми нашими силами, кратко, столько бы любили оное, сколько способны любить; и сія любовь дѣлается началомъ всѣхъ

чувствованій, должныхъ верховному Существу (а).

Ежели мы любимъ такимъ образомъ нашего Бога, то должны несомнѣнно вѣрить, что будемъ участвовать въ Его блаженствѣ, что Онъ непремѣнно содѣлаетъ наше благополучіе (б), и что сія любовь учинится началомъ всѣхъ добродѣтелей (в), когда Онъ истребитъ въ насъ всю порочную привязанность (г).

Всѣ сіи чувствія, соединенныя съ одною любовію, составляютъ *внутреннее почитаніе*, должное сему великому Существу.

(а) Матѳ. XXII. 37-38. Лук. X. 27-28.

(б) Римл. VIII. 27. 29.

(в) 1 Іоан. II. 5. V. 3. — Іоан. XIV. 15. 21. 23. 1 Іоан. IV. 8. 20. 21. 1 Іоан. III. 17.

(г) 1 Іоан. II. 15. Іак. IV. 11.

Наружное почитаніе есть простое и естественное выраженіе словами, или дѣйствіями движеній тронутой и умиленной души. Такова есть молитва, *славословіе*, *отправленіе* Божеской службы, благодарственныя мольбы и прочія дѣйствія, кои всѣ заключаются въ *боголѣпномъ поклоненіи*, и составляютъ должности разумнаго созданія. Мы только означаемъ, но не разбираемъ ихъ въ семъ сокращеніи нравственнаго любомудрія. Онѣ должны быть пространно изтолкованы въ трактатѣ о *всеобщемъ нравоученіи* (*), коего мы пишемъ одни основанія.

(*) Таковая книга уже существуетъ на Французскомъ языкѣ подъ названіемъ: Morale univerſelle. И ежели почтенная Россійская Публика благо-

Поелику всѣ люди обязаны исполнять сіи толь достойныя должности, то надлежитъ, чтобы уставлено было публичное богослуженіе въ цѣломъ собраніи для поклоненія Правителю міра, Виновнику, Покровителю и Сохранителю общества.

Для сей же самой причины надлежитъ, чтобъ назначено было *время* и *мѣсто* для отправленія сего публичнаго богослуженія, и опредѣленыбъ были особы, посвященныя для пристойнаго расположенія обрядовъ, а наипаче для подаванія людямъ справедливыхъ познаній, служащихъ осно-

---

склонно изволитъ принять сіи основанія, то уповательно, что полная система всеобщаго нравоученія издана будетъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени.

ваніемъ всякому разумному богопочитанію.

Благочестіе заставляетъ насъ находить удовольствіе во исполненіи сего богослуженія, которое отъ *хладнокровія* пренебрегается, нечестіемъ презирается, а суевѣріемъ обезображивается.

Богу ничѣмъ не можно лучше служить, какъ повиновеніемъ Его законамъ, или постоянною приверженностію къ добродѣтели (а). Почему добродѣтель есть первоначальный пунктъ, какъ въ естественной, такъ и въ откровенной религіи. Ни всегдашнее присутствіе при публичномъ богослуженіи, ни глубокія познанія истинъ до вѣры касающихся, ни ревность къ догматамъ, не могутъ замѣнить добродѣтели,

(а) Іоан. IV. 23. 24. Римл. XII. 1.

которая одна только способна учинить насъ пріятными Существу пресвятому (а). Нравоучитель долженъ наспоять въ сей великой истинѣ, которая иногда отъ многихъ Богословъ оставляется въ забвеніи.

Какъ ученіе о *мздовоздаяніяхъ* (б) есть существенный догматъ естественной и откровенной религіи, то дѣлается оно всегдашнимъ побужденіемъ, дабы устремить насъ къ исполненію всѣхъ нашихъ должностей въ разсужденіи Бога. Оно есть нѣкоторой родъ внутренняго запрещенія, имѣющаго вліяніе на мысли, простирающагося на склонности, управляющаго пожеланіями, равно

(а) Матѳ. VII. 15. 29.

(б) Смотри выше кн. I. гл. III. отдѣлен. I.

какъ и наружными дѣйствіями человѣковъ.

Но надлежитъ помнить, что сей законъ не можетъ быть принаравливаемъ во всемъ своемъ пространствѣ и съ надежностію ко всякому человѣку, но развѣ только къ самому себѣ. Я смѣло могу говорить о себѣ, что часто нарушаю должности въ разсужденіи Бога моими мыслями, понятіями моего разума, намѣреніями души моей, внутренними моими расположеніями, склонностями; и для сего буду наказанъ. Но я не могу ничего такого сказать ни объ одномъ человѣкѣ, кто бы онъ ни былъ, ниже произнести, что такой-то человѣкъ или еретикъ будетъ осужденъ отъ Бога за образъ своихъ мыслей, или за свои намѣренія.

И такъ когда судьи, вооруженные узаконенїемъ религїи (а), почитаютъ себя властными наказывать людей за ихъ мысли и заблужденїя, мстить за Бога, наказывать погрѣшности, содѣянныя противъ Его величества разсудкомъ и намѣренїемъ — когда хотятъ воздержать понятїя ихъ такъ же, какъ и дѣйствїя, то возстаютъ противъ правъ самаго Бога, преступаютъ власть свою и дѣлаются виновными въ несправедливости или тиранствѣ.

Суевѣрїе, учиняя ложное приправленїе нравственнаго почтенїя и приписывая отличное достоинство наружнымъ дѣйствїямъ, вводитъ только одни пустые обряды, часто нелѣпые и противные существеннымъ

(а) Выше кн. I. гл. III. отдѣлен. 3

должностямъ. Нравоученіе долженствуетъ разрушать всякое суевѣріе.

Сіе злоупотребленіе религіи возбуждая ревность въ то самое, время, когда сердце пребываетъ испорченнымъ, долженствуетъ производить, да и дѣйствительно производитъ величайшія въ мірѣ нещастія. Отъ сего произникаетъ злоба сектъ, духъ пристрастія къ одному обществу, взаимныя осужденія, жестокіе споры, гоненія и кровопролитнѣйшія войны за вѣру. Отъ сего святость и добродѣтель стали заключать въ насильственныхъ, несправедливыхъ и ужасныхъ дѣйствіяхъ, кои прикрашиваются предлогомъ ревности ко славѣ Божіей.

Суевѣріе всегда опасное, и часто гибельное суевѣріе! ты

разрушало *истинную вѣру* во всѣ прошедшіе вѣки! ты раждалось у дикихъ народовъ такъ же, какъ и у просвѣщенныхъ націй отъ *любостяжанія* жрецовъ и отъ *опасенія* будущаго нещастія, будучи сопровождаемо *невѣжествомъ*, причинами всякаго зла и средствами къ оному!

Сей естественный страхъ или опасеніе умножалось въ соразмѣрность невѣжеству и чувствительности однихъ, а испорченности другихъ изувѣровъ. Часто изобрѣтаемъ ими былъ способъ, чтобы составить такую религію, которая бы не требовала пожертвованія никакою страстію.

И такъ страхъ породилъ умилостивительныя дѣйствія различныхъ родовъ: — почитаніе стихій, производящихъ великія

на землѣ опустошенія; – обожаніе вредоносныхъ животныхъ, равно какъ и полезныхъ въ различныхъ видахъ – чествованіе людей, причинившихъ великія бѣдствія человѣчеству, для преклоненія ихъ на милость, и обожаніе людей благотворныхъ, для полученія отъ нихъ покровительства; – почитаніе существъ невидимыхъ, кои по разстроенному воображенію суевѣровъ предполагаются сокрытыми въ орудіяхъ зла и бѣдствія (а).

Изъ нравственной необходимости, относительно къ усовершенію человѣка и благополучію общества, можемъ мы вывесть новое доказательство о *необхо-*

(а) Смотри въ Ивердонской Энциклопедіи статью: *Religion*; также Воссія de idololatria gent.

димости откровенія (а), ежели только будемъ разсматривать совершенства Божіи, Его премудрость и благость. Какъ скоро *естественная религія* сдѣлалась недостаточною по причинѣ заблужденій и испорченности человѣковъ, то пристойно было совершенствамъ высочайшаго Существа, чтобы притти на помощь слѣпымъ смертнымъ, напомянуть имъ о своихъ свойствахъ, привести ихъ отъ суевѣрія къ истинному почитанію, которое бы было Его достойно, и наконецъ показать имъ необходимость въ добродѣтели, дѣлающей людей Ему угодными. Таково есть изящество *откровенной религіи*, которая изъясняетъ людямъ должности ихъ въ разсужденіи Бога

(а) См. выше кн. I. глав. II. отдѣлен. 2.

раздѣльно и явственно, и въ сихъ должностяхъ полагаетъ всѣ прочія добродѣтели. Откровеніе, присовокупляя къ тому сильнѣйшее побужденіе (а), заставляетъ Христіанъ познавать Бога предметомъ и основаніемъ драгоцѣннѣйшихъ ихъ *надеждъ* (б); признавать *будущее устроеніе жизни*, яко совершеніе ихъ желаній и благополучія (в), и между тѣмъ показываетъ имъ въ *Іисусѣ Христѣ* и во *Евангеліи* основаніе, средство и условія ожидаемаго, представляемаго, обѣщаннаго и удостовѣреннаго спасенія.

Почему благоговѣніе къ Богу заключаетъ въ себѣ всѣ расположе-

(а) Такъ же кн. I. гл. III. отдѣлен. 2.
(б) Въ томъ же отдѣленіи.
(в) Кн. I. гл. III. отдѣлен. I.

нїя и всѣ чувствїя, кои должны мы имѣть къ сему Существу. Онѣ всѣ содержатся въ *почитанїи* и *любви*.

Частныя и опредѣленныя выраженїя сего благоговѣнїя въ естественной религїи составляютъ дѣйствїя *благотворности*, кои вмѣстѣ съ Божескимъ провидѣнїемъ споспѣшествуютъ для произведенїя блага Его твореній.

Выраженїя неизвѣстныя или произвольныя, когда Богъ не говоритъ въ писанїи откровенно, суть разные обряды разумные, установленные въ различныхъ странахъ, которымъ мудрость велитъ повиноваться.

Выраженїе опредѣленное сего благоговѣнїя въ откровенной религїи есть милость или любовь къ ближнему, состоящая въ томъ, чтобы имѣть чувствїя

доброжелательства ко всѣмъ людямъ и спомоществовать нещастнымъ, дѣлая ихъ участниками въ принадлежащемъ намъ имуществѣ ради Бога и ради любви Іисуса Христа.

Что касается до обрядовъ, въ наши времена отправляемыхъ, когда Богъ соизволилъ себя открыть всему человѣческому роду: то въ оныхъ ничего не должно имѣть произвольнаго и неопредѣленнаго. Служить Богу по *положительнымъ* правиламъ, ничего въ нихъ не перемѣняя, есть должность человѣка благочестиваго, наставленнаго откровенїемъ. Мы не можемъ въ семъ сокращенїи входить о сихъ должностяхъ въ дальнѣйшїя подробности.

ГЛАВА VI.

Должности въ разсужденіи насъ самихъ.

Должности *въ разсужденіи насъ самихъ* относятся къ нашей *душѣ*, къ нашему *тѣлу*, или къ *наружному* нашему *состоянію*, поколику оно отъ насъ зависитъ и можетъ споспѣшествовать нашему совершенству и благополучію.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Должности человѣка въ отношеніи къ душѣ.

Мы должны вопервыхъ усовершенствовать нашу душу, особливо просвѣтить нашъ разумъ тѣми познаніями, кои могутъ имѣть вліяніе на наше *нравственное поведеніе*, на наши *физическія нужды* и *общее благо*

человѣчества. Вотъ предметы, опредѣляющіе болѣе или менѣе важныя науки человѣческія. *Разумъ* долженствуетъ быть изощренъ, для пріобрѣтенія правильнаго умозаключенія, которое предохраняетъ насъ отъ заблужденій и ложныхъ поступокъ. Нужно также обогатить память свою полезными свѣдѣніями; но всего паче обязаны мы освобождать волю нашу отъ зависимости чувствъ и воображенія, и отъ нещастнаго владычества безпорядочныхъ страстей.

Природа вліяла въ насъ желаніе познавать, вліяла любопытство, дабы возбудить насъ къ изощренію нашего разсудка и къ питанію нашей души, такъ какъ она даровала намъ чувствіе голода или аппетитъ, понуждая насъ питать свое тѣло.

Твердое познаніе полезно людямъ и обществу по всѣмъ отношеніямъ. Одна только любовь къ чудеснымъ предложеніямъ или парадоксамъ (*), также честолюбіе жрецовъ и деспотовъ могли унизить науки, яко противныя общему благу человѣчества.

Различныя причины часто останавляли успѣхи разума и полезныхъ наукъ: 1) честолюбивое нѣкоторыхъ желаніе, чтобы владычествовать надъ мыслями и мнѣніями другихъ, изобрѣло тысячу препонъ для свободнаго размышленія; 2) гордость мно-

(*) Подобно какъ Руссо доказываетъ въ своемъ разсужденіи, что науки болѣе вреда, нежели пользы приносятъ человѣчеству. Это парадоксъ, или необыкновенное положеніе, которымъ авторъ хотѣлъ блеснуть въ ученомъ свѣтѣ.

гихъ людей, выдающихъ себя за всезнающихъ и могущихъ все истолковать; 3) тщеславное желаніе отличить себя новыми мнѣніями, устремляющее къ тонкостямъ и оспоривающее самыя извѣстныя истинны по тому только, что онѣ древни и общи; 4) привязанность къ системамъ, по причинѣ которой ученые не столько стараются примѣчать существующее, какъ утверждать предполагаемое; 5) ревнивость соперниковъ, желающихъ быть начальниками секты и одержать надъ другими преимущество, хотя бы то было на щотъ истины; 6) народные или личные предразсудки, предубѣжденія секты или воспитанія, привязывающія людей ко мнѣніямъ, не взирая на противоположенную очевидность, которой они не хотятъ

примѣтить; наконецъ 7) развлеченія, причиняемыя жизненскими нуждами, приверженностію къ настоящимъ и чувствительнымъ выгодамъ, плотскими страстями и любовію къ чувственнымъ удовольствіямъ. Вотъ нѣкоторыя изъ главныхъ причинъ, положившихъ преграду успѣхамъ въ познаніи истинны и совершенству человѣческаго разума.

Совершенство души состоитъ въ *правильности* умоначертанія, въ поспѣшности и *твердости* памяти, въ силѣ и напряженіи вниманія, споспѣшествующаго умствованію и памяти; въ вѣрности *наблюденій;* въ *проницательности,* которая удобно объемлетъ всю связь обстоятельствъ и случаевъ; въ *остроуміи*, познающемъ удобно все, что долженствуетъ слѣдовать изъ сихъ об-

стоятельствъ; въ *предусмотрѣніи*, приводящемъ насъ въ состояніе угадывать то, что можетъ случиться послѣ прошедшаго или настоящаго. Изъ всѣхъ сихъ качествъ происходитъ *благоразуміе*, умѣющее различить важность цѣлей, приличіе средствъ, и показывающее человѣку все, чего долженъ онъ желать и что дѣлать, какъ для себя, такъ и для другихъ людей (а). Почему изощреніе разума должно клониться наипаче къ тому, чтобы придать нашей душѣ сіи качества; а безъ сего ученіе наше будетъ тщетно и безплодно.

(а) Кн. I. гл. VI. отдѣл. 1.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Должности человѣка въ отношеніи къ его тѣлу.

Любовь себя самаго обязываетъ насъ стараться о сохраненіи нашей *жизни* и нашего *здравія воздержаніемъ, трезвостію, цѣломудріемъ* или чистотою, умѣренностію во всѣхъ удовольствіяхъ и умѣреннымъ трудомъ.

Право *защищенія самаго себя* уполномочиваетъ человѣка оберегать свою жизнь и свои преимущества, противъ всякаго нападающаго, или намѣревающагося достовѣрно напасть, оберегать всѣми нужными средствами для приведенія оныхъ въ безопасность, какъ-то убѣжденіемъ, искуствомъ и силою.

Впрочемъ законъ оборонительный ни въ какомъ случаѣ не

позволяетъ употреблять вредоносныхъ средствъ безъ нужды или по злости противъ того человѣка, отъ ко ораго намѣрены мы себя предостеречь или защититься. Всякое зло, причиняемое сверьхъ необходимости для законной защиты, сдѣлается обидою, нападеніемъ, оскорбленіемъ.

Но мы всегда взираемъ на людей, яко на уединенныхъ отъ общества или оставленныхъ, по одной только отвлеченности. Ибо они всегда находятся въ состояніи природы, какъ бы въ нѣкоторомъ обществѣ и въ связи съ другими людьми. Изъ сего слѣдуетъ, что право защищенія всегда ограничивается выгодою общества, въ которомъ мы живемъ. Ежели есть начальникъ въ семъ обществѣ, хотя бы то былъ отецъ семейства, то онъ ради

общественной пользы становится уже судіею распрей.

Коль скоро существуетъ гражданское общество, то всѣ члены, подверженные одной и той же власти, соглашаются между собою поручать ссоры свои суду начальниковъ, и слѣдственно не могутъ болѣе управляться сами собою; но обязаны для защищенія своего прибѣгать къ судейской власти. Ежели обстоятельства случатся таковы, что не льзя воспользоваться сею властію для предупрежденія обиды, тогда всякой властенъ употребить защитительныя права самъ собою.

Какъ скоро еще доказано, что мы поставлены на сей землѣ верьховнымъ Существомъ, благимъ и премудрымъ, для творенія блага, для исполненія добро-

дѣтели и для пріуготовленія себя къ будущему устроенію жизни (а), то не трудно рѣшить, сколь важное преступленіе есть *самоубійство.*

Умѣренность состоитъ въ воздержаніи себя отъ всѣхъ услажденій и отъ всѣхъ удовольствій, кои могутъ вредить намъ или другимъ.

Никто не будетъ долго прилѣпляться къ какому ни есть важному предмету, ежели можетъ быть воспящаемъ отъ того низкими удовольствіями, или такими увеселеніями, которыя отнимаютъ безъ всякой пользы драгоцѣннѣйшую часть времени, ослабляютъ или потушаютъ

(а) Смотри выше кн. I. гл. II. и III.

честныя пристрастїя и наконецъ уменьшаютъ дарованїя.

Почему дознавъ, какими наипаче нужно намъ заниматься предметами для нашего совершенства и благополучїя, должны мы почитать потерянными всѣ минуты, кои проводимъ безъ нужды или безъ пользы различнымъ образомъ.

Ежели успокоенїя необходимо нужны, то *роскошь*, ищущая единаго удовольствїя, и *разсѣянность*, пожирающая время въ буйныхъ забавахъ, достойны порицанїя и предосудительны для человѣка.

Невоздержность вообще, какїе бы оныя ни были предметы, приводитъ человѣка къ *лѣности*, къ *небреженїю* о дѣлахъ и къ униженїю душевныхъ его способностей.

Трезвость есть умѣренное употребленіе пищи и питія. *Цѣломудріе* состоитъ въ законномъ и умѣренномъ употребленіи плотскихъ удовольствій въ супружествѣ, смотря по видамъ природы, и въ удаленіи отъ сихъ удовольствій, относительно къ безбрачнымъ. *Распутство* противополагается той и другой изъ сихъ добродѣтелей.

Нечистота ослабляетъ тѣло, разстроиваетъ здоровье, низитъ душевныя дарованія, возмущаетъ общество, вредитъ благополучію семействъ, не благопріятствуетъ разумноженію народа, производитъ закоренѣлое небреженіе о дѣлахъ, и устремляетъ по обстоятельствамъ предающагося оной къ нарушенію существеннѣйшихъ должностей.

Пьянство есть неумѣренное употребленіе крѣпкихъ и упояющихъ напитковъ. Нѣтъ никакого излишества, которое бы болѣе обуяло разсудокъ, паче отвращало его отъ разумныхъ упражненій и лишало душу дѣятельности и того вниманія, которое нужно для полученія доспѣха во всякомъ продолжительномъ и полезномъ трудѣ, какъ пьянство.

Прилѣжаніе есть существенная должность человѣка, которая заставляетъ насъ предпочитать разумное упражненіе пщетнымъ увеселеніямъ, разсѣянности и празднолюбію.

Праздность учиняетъ жизнь безполезною для себя, для своего семейства и для общества. Она отверзаетъ сердечныя двери всѣмъ представляющимся порокамъ и ослабляетъ всѣ душевныя

пружины; самую душу повергаетъ въ изнеможенїе и томность.

Разсѣянность приводитъ человѣка въ несостояніе предаваться предпочтительнымъ и долгимъ упражненїямъ, которыя бы принесли величайшїя выгоды для себя и для другихъ.

Топъ и другой изъ сихъ пороковъ, то есть праздность и разсѣяніе, истребляютъ *постоянство*, нужное для продолженїя предпрїятїй и благоизбранныхъ начинанїй; безъ сего качества не можно ожидать въ мірѣ никакого успѣха. Изъ всѣхъ сихъ истинъ проистекаютъ многїя правила, кои мы не намѣрены подробно изъяснять въ семъ сокращенїи.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Должности человѣка въ отношеніи ко внѣшнему его состоянію.

ЧЛЕНЪ I.

Въ отношеніи къ богатству.

Долгъ и польза наша требуютъ, чтобъ мы улучшали внѣшнее наше состояніе, касательно богатства, раченіемъ, прилѣжаніемъ и проворствомъ въ честныхъ трудахъ, и чрезъ сіе пріобрѣтали бы нужное для житейскихъ потребностей по нашему званію, да и не только для себя, но для нашего семейства и для благотворенія другимъ. — *Умѣренность* и *порядокъ* сохраняютъ имѣніе; *мудрость* научаетъ онымъ пользоваться.

Скромность, которая есть вѣрное опасиво въ оцѣненїи самаго себя, должна располагать нашими желанїями ко благу и выгодамъ мїра.

Экономїя, которая есть правильная соразмѣрность между иждивенїемъ и достаткомъ, должна управлять нашимъ вкусомъ и наслажденїями.

Поелику щастїе часто доставляетъ въ свѣтѣ чинъ и могущество, то экономїя становится гораздо нужнѣйшею для сохраненїя своей независимости или свободы, по тому наипаче, чтобы быть въ состоянїи благодѣтельствовать другимъ, и никогда бы не покушаться отступать отъ правилъ справедливости.

Роскошь, невоздержанїе, праздность и разстроенный разсудокъ суть равномѣрно противны благоразумной экономїи.

Сребролюбецъ хочетъ всегда копить деньги, не зная оными пользоваться, почему находитъ онъ житейское мученїе въ томъ самомъ, что составляетъ предметъ его жадности и пожеланїя.

ЧЛЕНЪ II.

Въ отношенїи къ славѣ и чести.

Честь содѣйствуетъ къ нашему благосостоянїю въ мірѣ гораздо болѣе, нежели богатство. Нещастливъ тотъ, кто безпристрастенъ къ людскому о себѣ мнѣнїю! Въ душѣ его не достаетъ

пружины, которая бы могла подвигнуть его къ добру и предохранить отъ зла. *Истинная честь* состоитъ въ выгодномъ о насъ разумныхъ людей сужденіи.

Отъ сего сужденія раждается хвала, которая есть чувствіе одобренія, получаемаго нами отъ другихъ за добрыя качества или похвальныя дѣйствія: (а) чувствіе, доставляющее всегда отъ нихъ *довѣренность*, часто *дружество* или ихъ *милость*.

Почтеніе есть чувствіе одобренія, приводящее другихъ къ *покорности* въ разсужденіи нашего лица.

(а) Фергуссонъ въ нравств. философ. часш. I. гл. II. отдѣлен. II.

Уваженіе есть вышній степень почтенія, влекущее за собою преданность и благоговѣніе.

Щастливы тѣ, кои по своему *достоинству* умѣютъ заслужить сіи чувствованія, происходящія отъ разумныхъ и просвѣщенныхъ людей!

Презрѣніе напротивъ того есть чувствованіе хулы, привлекаемой кѣмъ-нибудь по причинѣ ощутительныхъ недостатковъ или недостойныхъ дѣйствій: чувствіе, заставляющее пренебрегать человѣка, или взирать на него съ хладнокровіемъ.

Насмѣшка есть чувствіе ругательства, смѣшенная съ улыбкою и съ порицаніемъ того, которой бываетъ ея предметомъ.

Добрая *шутка* можетъ исправить человѣка, показывая въ немъ

смѣшныя поступки; но *шутомъ* можно только показать смѣшнымъ самаго себя. Сократъ употреблялъ первую; Апулей второе; Эразмъ и Мольеръ касались первой, но всегда избѣгали нареканія втораго; Буало былъ очень строгъ; Ѳеофрастъ и Лабрюйеръ являются всегда болѣе веселы, нежели важны.

Чѣмъ больше охуждаемъ мы предметъ *посмѣянія*, тѣмъ чувствіе сіе болѣе приближается къ презрѣнію; чѣмъ болѣе шутимъ и издѣваемся надъ другими, тѣмъ болѣе ощущаемъ въ себѣ веселости. Къ сему относится также нѣжность или усердіе, чтобы сдѣлать шутку полезнѣйшею для тѣхъ, коимъ мы намѣрены подать наставленіе.

Негодованіе есть чувствіе хулы, сопровождаемой гнѣвомъ.

Гнѣвъ есть чувствіе хулы со стороны начальника, или того человѣка, которой почитаетъ себя вышшимъ; чувствіе смѣшенное съ ненавистію.

Нещастливъ тотъ, кто ставитъ себя выше впечатлѣнія сихъ чувствованій!

Преимущества, усматриваемыя нами въ другихъ, производятъ въ насъ различныя чувствованія, смотря на нашу къ нимъ привязанность или отвращеніе, и поколику мы сравниваемъ ихъ съ собою или съ другими.

Преизящество любимыхъ нами людей, когда мы сравниваемъ ихъ съ собою, вперяетъ къ нимъ отличное *почтеніе*. Но превосходство ненавидимыхъ нами особъ,

ежели мы также сравниваемъ ихъ съ собою, возбуждаетъ въ насъ *зависть* и *ревность*; чувствованія сколь порочныя, столь и болѣзненныя. Преимущество людей, къ коимъ мы безпристрастны, производитъ въ сравненіи съ нами *смиренность* и дѣлается предлогомъ досады.

Познаніе изяществъ нашихъ друзей, сравниваемыхъ съ другими, бываетъ для насъ виною *торжества* и *славы*. Но ежели мы, сравнивая нашихъ непріятелей съ другими, принуждены будемъ признать ихъ превосходство, то ощущаемъ отъ того *сожалѣніе* и *злобу*; чувствованія сколь несправедливыя, столь и жестокія.

Блаженъ правдивый цѣнитель достоинства другихъ! но болѣе

блажень еще тотъ, которой отъ сознанія доброты другаго побуждается сдѣлать себя лучшимъ!

Справедливымъ почитателемъ достоинствъ въ себѣ и въ другихъ не можно иначе быть, какъ ежели здравый разсудокъ будетъ направлять наше *желаніе* и наше *отвращеніе*.

Желанія или отвращенія раждаются отъ мнѣнія, утверждаемаго на истинномъ опытѣ, или на разстроенномъ воображеніи: почему справедливое или неосновательное мнѣніе, дѣлается повелителемъ нашихъ желаній или отвращенія; а сіи обращаютъ естественныя наши склонности къ извѣстнымъ предметамъ, или отъ нихъ удаляютъ.

Сладострастный ограничиваетъ свои желанія въ чувствен-

ныхъ удовольствіяхъ. Онъ желаетъ всегда услаждаться оными, но услаждается худо.

Честолюбивый оканчиваетъ свои хотѣнія на преимущественной власти. Онъ желаетъ всегда начальствовать, и дѣлается рабомъ возмущающей его страсти.

Сребролюбивый относитъ всѣ желанія свои къ богатству; онъ хочетъ захватить всѣ сокровища, но между тѣмъ владѣютъ имъ самимъ богатство и скупость.

Сіи желанія разнствуютъ у людей во степени; часто онѣ соединяются вмѣстѣ; иногда въ семъ совокупленіи покаряются онѣ однѣ другимъ; но всегда бываютъ буйны и противны благополучію, ежели не управляются разумомъ.

Благоразумныя желанія, могущія содѣлать насъ подлинно щастливыми, и способныя обезопасить добрую нашу славу, суть желаніе нашего *совершенства*, желаніе *дѣлать другимъ добро*, и желаніе *общественнаго блага*.

1. *Желаніе нашего совершенства* побуждаетъ насъ къ пріобрѣтенію почтенныхъ качествъ, истинныхъ добродѣтелей, и заставляетъ превзойти другихъ въ честности. Въ семъ-то состоитъ *прямое величіе души*.

2. *Желаніе дѣлать другимъ добро* устремляетъ насъ къ благотворенію и ко всему оному, чрезъ что можемъ мы сдѣлаться полезными людямъ. Въ семъ состоитъ всеобщее благожелательство или доброхотство.

3. *Желаніе общественнаго блага* раждается отъ хорошаго расположенія къ обществу, въ которомъ мы живемъ; и ежели оно оживотворяемо бываетъ всеобщимъ доброжелательствомъ, то производитъ *ревность къ человѣческому роду*.

Вообще дѣйствія, показывающія высочайшій степень благожелательства и добродушія, поставляются на высочайшемъ степени *достоинства* въ глазахъ человѣковъ, и весьма вѣрно доставляютъ намъ *добрую славу*.

Напротивъ того дѣйствія, обнаруживающія великость злости и намѣреніе вредить другимъ безъ всякаго за то истязанія, поставляются за величайшую низкость и приносятъ людямъ самое худое объ нихъ мнѣніе.

Всѣ сіи общія правила заключаютъ въ себѣ множество частныхъ и особенныхъ, коихъ нравственная система должна разбирать съ точностію.

Истинное достоинство должно быть основаніемъ *похвалы*, дабы она была справедлива со стороны приписывающаго ее, и лестна заслуживающему оную. *Скромность* располагаетъ нами въ изысканіи сихъ похвалъ, яко выраженій почтенія; но *смиреніе* заставляетъ насъ почитать себя только тѣмъ, чего мы стоимъ. Честолюбивый напротивъ того гоняется съ великою жадностію за отличіями почести и власти; онъ хочетъ лучше ихъ вынудить, нежели заслужить.

Великодушный человѣкъ, противополагаемый крошкому и скро-

миому, имѣетъ о себѣ слишкомъ хорошее мнѣнїе. *Надменный* ставитъ себя выше всѣхъ другихъ. *Гордый* презираетъ себѣ подобныхъ. *Кичливый* обходится съ ними сурово. *Тщеславный* старается отличить себя такими дѣлами, кои ни мало не дѣлаютъ его лучшимъ; онъ обнаруживаетъ себя притворностїю и самохвальствомъ. *Высокомѣрный* выказываетъ и превозноситъ свои дарованїя, свои преимущества и права. Всѣ сіи буйные люди лишаются почтенїя, (котораго мнятъ себя быть достойными), хотя и всякимъ образомъ домогаются оное получить; они болѣе или менѣе несправедливы, въ разсужденїи себѣ подобныхъ, коихъ дѣйствительно всегда оскорбляютъ и обижаютъ.

Гордость, унижающая и пренебрегающая другихъ, есть несовмѣстна съ привязанностію и почтеніемъ, должными правамъ человѣчества; слѣдственно она не заключаетъ въ себѣ желанія совершенства, ни любви къ добродѣтели, такъ какъ утверждали умы, напоенные чудесными правилами или парадоксами (а). Что касается до людей *тщеславныхъ*, то они бываютъ способны къ великимъ усиліямъ постоянства и мужества, когда публика обращаетъ на нихъ глаза свои; но поелику вниманіе ихъ къ сужденію другихъ не происходитъ отъ любви къ нимъ, а единственно отъ желанія похвалы: то они измѣняютъ во всякихъ

(а) Смотри la fable des abeilles, par Mandeville, et l' esprit, par Helvetius.

случаяхъ, требующихъ существенной приверженности.

ЧЛЕНЪ III.

Въ отношеніи къ житейскимъ бѣдствіямъ и нещастію.

Въ самыхъ бѣдствіяхъ, не разлучныхъ съ человѣческою судьбою на земли, предписываются должности и добродѣтели, кои могутъ улучшить наше состояніе, или усладить горечь онаго.

Мужество есть душевная сила, которая приводитъ насъ въ состояніе противиться препятствіямъ, трудностямъ, опасностямъ и бѣдствіямъ. Какъ всѣ добрыя качества людей должны относиться къ хорошимъ дѣйствіямъ, кои обязаны они чинить, или къ нѣкоторымъ пре-

пятствіямъ, кои призваны преодолѣвать, то сіи качества остаются недѣйствительными, ежели въ душѣ не достаетъ *рѣшимости* и *силы*. Потребно *постоянство* для совершенія благоизбранныхъ предпріятій; *рѣшимость* для противоборствованія препонамъ; *благоразумїе* для предусматриванія оныхъ, или естьли возможно, избѣжанія; *твердость* для преодолѣнія ихъ и полученія доспѣха; наконецъ нужна *неустрашимость*, дабы сохранить присутствїе духа посреди опасностей; присутствїе, говорю, составляющее великую нашу безопасность въ гибели.

Терпѣнїе болѣе всего укрѣпляетъ насъ въ нещастіяхъ, представленіемъ благаго и премудраго Провидѣнія и надеждою бу-

дущей жизни, гдѣ освобождены мы будемъ отъ всѣхъ бѣдствій; въ блаженной оной жизни, къ которой настоящій вѣкъ есть только пріуготовленіе.

Мы часто не постигаемъ, какимъ образомъ нещастія сея жизни могутъ содѣйствовать къ величайшему нашему благу; но извѣстность будущаго вѣка, ожидающія насъ воздаянія, благость и премудрость управляющаго всѣми произшествіями удостовѣряютъ насъ совершенно, что сіе Существо знаетъ обращать въ пользу нашу самыя огорчительныя обстоятельства, ежели только мы себя расположимъ соотвѣтственно благотворительнымъ его видамъ. Впрочемъ малодушіе и нетерпѣливость служатъ единственно къ умноженію истинныхъ нещастій и къ произведе-

нію въ дѣйство мечтательныхъ скорбей. Они суть слабыя усилія, кои неспособны извлечь уязвляющей и глубоко вонзающейся стрѣлы; это суть безпокойныя руки, налагаемыя на раздираемую рану.

Безпокойства, излишняя заботливость, ропоты и отчаяніе противополагаются терпѣнію, равно какъ боязливость, малодушіе и робость истинному *мужеству*; но не должно смѣшивать продерзости съ мужествомъ, ни безчувственности съ терпѣніемъ. — Здѣсь означаемъ мы одни понятія, въ кои желающему исполнить свои должности надлежитъ вникать, дабы извлечь изъ нихъ дѣятельныя правила.

ГЛАВА VII.

Всеобщія должности въ разсужденіи намъ подобныхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О чувствованіяхъ доброжелательства.

ЧЛЕНЪ I.

Обширность сихъ чувствованій.

Поступать всегда съ другими такъ, какъ мы желаемъ, чтобы они въ подобномъ случаѣ съ нами поступали, есть общій и естественный законъ, заключающій въ себѣ всѣ наши должности въ разсужденіи намъ подобныхъ. Оный есть также и законъ Христіанскій, предписанный Божественнымъ нашимъ Спасителемъ.

Любовь къ ближнему, или *всеобщее доброжелательство* есть начало, основанïе, побужденïе и правило всѣхъ сихъ должностей. Любовь сопутствующая всѣмъ отношенïямъ, въ коихъ мы состоимъ съ подобными намъ; чувствованïе всегда пріятное непорочному сердцу; всегда полезное тому, кто питаетъ оное въ нѣжной и чувствительной своей душѣ.

Человѣкъ образованъ природою людолюбивымъ и чувствительнымъ. Онъ трогается при первомъ воззрѣнïи на нещастія другаго, не размышляя еще объ оныхъ. *Сострадательность*, слѣдствïе сего доброжелательства, дѣлаетъ его готовымъ ко вспоможенïю, а иногда заставляетъ его забывать себя и быть щедродарствительнымъ. Щастливъ

тотъ, въ комъ поселены и изощрены сіи пріятныя чувствія природы хорошимъ воспитаніемъ; чувствія, кои во всю жизнь пребудутъ для него источникомъ удовольствій, и учинятъ всѣ должности его легкими и пріятными. Никто не можетъ быть щастливымъ, какъ развѣ съ другими, раздѣляя съ ними свое щастіе и ощущая удовольствіе при воззрѣніи на благополучнаго человѣка, ежели бы только порочная страсть не изтребляла сего услажденія, или естественной склонности.

Всѣ *общественныя добродѣтели* происходятъ отъ сего доброжелательства, и всѣ споспѣшествуютъ нашему благополучію. Всѣ недостатки, пороки и страсти противныя оному, жестокосердіе, ненависть, гнѣвъ, ярость,

вспыльчивость возмущаютъ нашу жизнь, колеблютъ спокойствіе, унижаютъ душу, словомъ, уменшаютъ наше совершенство и благополучіе.

Дружество, которое есть нужда честной души, содержится во всеобщемъ доброжелательствѣ и зависитъ отъ онаго: безъ сея зависимости было бы оно предосудительнымъ союзомъ. *Любовь* къ *отечеству* есть тоже самое чувствованіе, но относительное къ нашимъ соотечественникамъ и не разрушающее сего доброжелательства. И такъ мы должны любить нашихъ друзей, наше отечество, безъ опущенія правилъ всеобщаго доброжелательства. „Я люблю своихъ „друзей, какъ самаго себя, ска„залъ одинъ Философъ; но пред„почитаю себѣ мое семейство,

„отечество моему семейству, а „родъ человѣческій моему отечеству.„

ЧЛЕНЪ II.

Источникъ сихъ чувствованій.

Человѣкъ родится съ *расположеніями* къ обществу, изъ чего необходимо происходитъ чувствованіе доброжелательства. Есть животныя, сотворенныя, кажется, для того, чтобы жить однимъ; другія, чтобы жить въ обществѣ, или проще сказать, жить стадами для ихъ безопасности; или порядочными собраніями, какъ-то муравьи, пчелы и бобры, дабы чрезъ соединеніе многихъ силъ получить желаемый успѣхъ въ общей цѣли. Чело-

вѣкъ (а) по своимъ нуждамъ, способностямъ, органамъ, по различію своихъ даровъ и желаній, становится совершенно существомъ *общежительнымъ*; доброжелательство же есть первый союзъ сего необходимаго общества и первое чувствованіе, проистекающее отъ его естественныхъ расположеній къ обществу.

Между людьми существуетъ еще *естественное равенство*, изъ котораго выводится равенство правъ и должностей между ими; оно есть основаніе сего *взаимнаго доброжелательства*. У нихъ одни и тѣ же органы, тѣ же чувства, пожеланія, первоначальныя нужды, естественныя стре-

(а) Смотри Eſſai ſur l'Hiſtoire de la ſocieté civile. Смотри еще le traité de la ſociabilité, par l'Abbé Pluquet.

мленія, одно и то же опредѣленіе въ будущемъ устроеніи жизни; да и въ настоящемъ вѣкѣ подвержены они тому же самому всеобщему провидѣнію общаго Владыки. Чего болѣе требовать для возбужденія и сохраненія сего взаимнаго доброжелательства?

ЧЛЕНЪ III.

О неравенствѣ между людьми.

Но при всемъ томъ въ обществѣ есть между людьми *неравенство*, нужное по намѣреніямъ Правителя вселенныя, для усовершенія цѣлаго. Сіе неравенство происходитъ или *отъ различія качествъ*, или *отъ разности состояній*; но ни то ни другое не можетъ уничтожить взаимнаго доброжелательства, ни первоначальныхъ правъ человѣка. Отъ

сего неравенства раждаются просто новыя *относительныя и условныя должности.*

Различїе качествъ бываетъ также двухъ родовъ: *естественное* и *нравственное.* Естественное неравенство ведетъ свое начало отъ различїя способностей, дарованїй, познанїй, силы, рѣшимости, мужества. Сїи различїя составляютъ естественное отношенїе *зависимости* и *власти.* Нравственное неравенство можетъ произойти отъ различїя склонностей къ доброжелательству или къ злости. Сїи различїя производятъ степени *относительнаго почтенїя.* Мы привергаемся къ однимъ людямъ, въ коихъ примѣчаемъ доброжелательство, и отвращаемся отъ другихъ, кои показываютъ къ намъ непрїязненность. Мы благопрїят-

ствуемъ и возносимъ первыхъ, прошивимся послѣднимъ, и есьли можно, ихъ унижаемъ.

Кромѣ сего мы усматриваемъ еще въ свѣтѣ различія *состояній*, и сіи разности приключаютъ по видимому тѣ же самыя дѣйствія, какъ и разности естественныя. Имущество дѣлаетъ иногда сильнымъ, а бѣдность часто приводитъ въ зависимость. Не здравомыслящіе люди отдаютъ почесть и уваженіе свое богатству или знаменитости рода, а скудость и незнатность совершенно презираютъ. Но мудрецъ не обольщается сею наружностію. Онъ располагаетъ почтеніе свое по личнымъ достоинствамъ.

Во всякомъ обществѣ есть неравныя состоянія. Сіе необходимо нужно для сохраненія подчиненности, порядка и опира-

вленія различныхъ работъ, ремеслъ и упражненій, требующихъ содѣйствія разныхъ рукъ. Но какъ сія подчиненность не разрушаетъ первоначальнаго равенства, то она не должна равномѣрно ослаблять всеобщаго доброжелательства.

Общество менѣе несовершенное почитается то, въ которомъ менѣе находимъ различія въ богатствѣ, воспитаніи и власти. Чѣмъ болѣе неравенство состояній будетъ зависѣть отъ единственнаго различія личныхъ качествъ, тѣмъ болѣе также приближится оно къ своему совершенству.

Всякой общественной законъ, всякая власть, нарушающая одно изъ сихъ правилъ, противна естественному праву человѣка, и содѣлываетъ общество болѣе или

менѣе несовершеннымъ; но неудобства, послѣдующія отъ исправленія злоупотребленій, часто наносятъ болѣе вреда, нежели самыя дѣйствія злоупотребленій. Почему мудрый долженъ себѣ сказать, что общество человѣческое не можетъ быть на земли совершеннымъ, и что человѣкъ сотворенъ для другаго совершеннаго общества, которое возставлено будетъ въ грядущемъ вѣкѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О справедливости и благотвореніи вообще.

ЧЛЕНЪ I.

О справедливости.

Два нужныя дѣйствія всеобщаго доброжелательства суть *справедливость* и *благотвореніе*. Одно состоитъ въ томъ, чтобъ воздавать каждому принадлежащее ему, и не дѣлать ему никакого оскорбленія и обиды. Другое заставляетъ оказывать каждому, сколько возможно, всякое добро, и споспѣшествовать по мѣрѣ силъ нашихъ и состоянія, его благополучію.

Между справедливостію и благотвореніемъ менѣе находится

разности, нежели сколько о томъ думаютъ, да и никто не можетъ быть справедливымъ, ежели не имѣетъ расположенїй къ благотворности. Единое различїе сихъ качествъ усматривается въ томъ, что дѣйствїя справедливости могутъ быть требованы силою, дѣйствїя же благотворности единымъ убѣжденїемъ. Первыя содержатся въ законѣ общества и собственности, вторыя относятся только къ узаконенїю должности и совѣсти. Первыя опредѣляются мѣрою права, вторыя разчисляются добродѣтелїю благотворителя.

Вотъ *общїя правила* справедливости, должной всѣмъ людямъ безъ изъятїя, правила, кои мы покажемъ, но не будемъ входить въ подробное оныхъ разбирательство и изъясненїе — почи-

тать права, имущества и благополучїе другихъ — пользоваться своимъ владѣнїемъ, не причиняя никакого вреда другимъ — попустить имъ наслаждаться спокойно всѣмъ, что принадлежитъ имъ по естественному праву, или по званїю положительному, или по законному стяжанїю — отдавать имъ всегда, яко людямъ, все должное человѣку — вознаграждать или исправлять причиненный имъ убытокъ ошибкою или по умышленной злости.

Слѣдовательно всякой положительный законъ, всякое постановленїе человѣческое, всякая власть, нарушающая одно изъ сихъ правилъ, противна естественному праву, и можетъ сдѣлаться болѣе или менѣе насильственною и тираническою, смо-

тря на причиняемое ею зло человѣкамъ.

Справедливость заставляетъ насъ уважать права другаго. *Правосудіе* велитъ почитать законы, его обезпечивающіе. *Вѣрность*, собственныя наши обязательства. *Правдивость* въ словахъ нашихъ убѣждаетъ насъ чтить право, по которому другіе могутъ требовать отъ насъ истинны. *Невѣрность* не помнитъ данныхъ обѣщаній. *Вѣроломство* есть сокрытая невѣрность. *Добрая вѣра* есть вѣрность, не смѣшанная съ сомнѣніемъ или лукавствомъ. *Правость* или истинна означаетъ навыкъ всѣхъ добродѣтелей, относящихся ко владѣніямъ другаго.

ЧЛЕНЪ II.

О благотвореніи.

Благотвореніе есть навыкъ всѣхъ добродѣтелей, обязывающихъ насъ содѣйствовать вмѣстѣ съ Провидѣніемъ, благополучію человѣковъ. Удѣлять по возможности отъ всего, чѣмъ мы обладаемъ, въ пользу другихъ; сокращать собственныя свои нужды, отлагая излишнее для облегченія страждущихъ; помогать ближнему своему знаніями, совѣтами, покровительствомъ, довѣренностію своею въ свѣтѣ; дѣлать ему добро и препятствовать, чтобъ другіе не приключали ему зла: вотъ главныя правила *благотворности.*

Благотвореніе должно оказываемо быть 1) съ *разборчиво-*

стію: почему прежде всего надлежитъ устремлять благотворные виды на родителей и сродниковъ нашихъ, яко на самые близкіе къ намъ предметы; по томъ люди достойные должны предпочтены быть всѣмъ прочимъ. Оно должно производимо быть 2) *щедро*; нужда другаго и нашъ достатокъ полагаютъ тому мѣру. Наконецъ оно должно исполняемо быть 3) *благородно*, то есть, предупреждая требованія, докучныя прозьбы, и сберегая чувствительность тѣхъ, кои надѣются что нибудь отъ насъ получить.

Признательность или благодарность есть чувствіе, должное благодѣющему лицу за его милости. Надлежитъ оное соразмѣрять болѣе съ намѣреніемъ

благотворителя, нежели съ цѣною благодѣянія.

Неблагодарность другихъ не дозволяетъ отрекаться отъ оказыванія новыхъ услугъ. Всякой обязывается къ онымъ даже въ то самое время, когда другіе не исполняютъ своего долга. Въ мірѣ сыщется болѣе неблагодарныхъ, потому что они не имѣютъ чувствительности. Требовать же въ замѣну благодѣяній унизительнаго почтенія со стороны одолженнаго, значитъ отказаться отъ названія благотворителя.

Самые наши враги, поколику суть люди, имѣютъ право на наши услуги и благодѣянія. Учиненное намъ отъ кого нибудь оскорбленіе не разрушаетъ обязательствъ всеобщаго къ нему доброжелательства. Правда, не льзя возложить опять довѣренности

своей на употребившаго оную во зло, ниже обѣщать дружество свое показывающему къ намъ ненависть и злобу: но можно, да и должно воздерживать себя отъ нанесенія ему зла посредствомъ *мщенія*; надобно желать ему блага по великодушію, и при случаѣ дѣлать оное по снисхожденію.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

О справедливости и благотвореніи въ разсужденіи нѣкоторыхъ особенныхъ предметовъ.

Въ займахъ и ссуженіяхъ, въ отдачахъ въ наемъ, въ продажахъ и купляхъ, во всякомъ родѣ торговли, въ договорахъ и дѣлахъ, честной человѣкъ и человѣкъ благотворительной нико-

гда не причиняютъ другимъ обиды, но всегда дѣлаютъ добро, сколько имъ возможно.

Каждой изъ сихъ случаевъ подлежитъ особливымъ въ нравоученіи разбираемымъ правиламъ, которымъ правота научаетъ всѣхъ добродѣтельныхъ людей. Послѣдуя онымъ справедливый человѣкъ проходитъ поприще жизни своея съ надежностію, спокойствомъ, безъ угрызенія совѣсти и безъ нареканія со стороны другихъ людей, у коихъ пріобрѣтаетъ довѣренность, почтеніе и милость; между тѣмъ какъ несправедливый человѣкъ, не узнавая сихъ истинныхъ выгодъ, безславитъ себя и дѣлается виновникомъ своего несчастія.

Надлежитъ еще наблюдать правила справедливости и благотворенія въ своихъ *разговорахъ*,

также какъ и во всѣхъ своихъ дѣлахъ.

Искренность есть добродѣтель справедливаго человѣка. Она выражаетъ мысли и обнажаетъ истинну всякой разъ, когда по праву кто нибудь оной требуетъ. *Простодушіе* есть не закрытая искренность; *чистосердечіе* есть искренность пріятная; а *откровенность* искренность простая.

Лгать, значитъ говорить противъ опыта, или о чемъ другіе знаютъ, въ намѣреніи нанести вредъ ближнему. Употреблять *двоесмысленности*, *утаенія*, *мысленныя сокрытія* передъ тѣмъ, которой имѣетъ право ожидать отъ насъ всей истинны, ничто иное есть, какъ *прикрашивать ложь* болѣе или менѣе законопреступную, смотря по причи-

няемому нами другимъ и себѣ злу.

Обманъ, болѣе ненавистный, скрывается подъ личиною истины. *Лживость* есть закоренѣлый обманъ во нравѣ. *Притворство*, плодъ искусства, есть умышленное обольщеніе. *Коварство* есть расположенной и запутанной обманъ. *Обоюдность* есть двусмысленный обманъ, имѣющій два вида. Всѣ сіи пороки развращаютъ сердце, вредятъ болѣе или менѣе людямъ, изгоняютъ довѣренность и безопасіе, и бываютъ законопреступны по той мѣрѣ, сколько они означаютъ по обстоятельствамъ злости.

Сверьхъ сего наносится обида ближнему *ложною клятвою* и преступленіемъ оной въ то самое время, когда неминуемо теряется почтеніе и благоговѣйность къ

высочайшему Существу, призываемому въ клятвѣ. Хотя бы подтверждалась ложь, или отрицалась извѣстная всѣмъ истинна, или бы наконецъ нарушались данныя съ клятвою обѣщанія, но чрезъ все сіе обманываемъ мы людей, и показываемъ презрѣніе къ великому Существу, приводимому во свидѣтельство. Обстоятельства могутъ еще сдѣлать сіи беззаконія болѣе или менѣе ненавистными, по мѣрѣ причиняемаго оскорбленія, или по степени означаемой ими злобы.

Напослѣдокъ можно нарушить правила справедливости и благотворенія, оскорбляя ближняго *честь* дерзкими и скорыми *сужденіями* о его поведеніи или намѣреніяхъ; сужденіями часто ложными, всегда непріязненными; *злорѣчіемъ*, открывающимъ по-

роки или недостатки другаго безъ всякой нужды; *клеветою*, увеличивающею или изобрѣтающею обиды ближнему.

ГЛАВА VIII.

Должности относительныя къ подобнымъ намъ.

Люди со времени своего рожденія даже до самой смерти состоятъ съ нѣкоторыми себѣ подобными въ особенныхъ *отношеніяхъ*, но различныхъ, изъ чего раждаются новыя должности, изъясняемыя во нравоученіи. Таковы суть отношенія мужа и жены, родителей и дѣтей, господъ и служителей. Изъ сихъ взаимныхъ связей, сопрягающихъ людей между собою, происходятъ семейства, такъ какъ изъ

соединенія семействъ составляется цѣлое государство. Мы показали уже всеобщія должности въ разсужденіи намъ подобныхъ; теперь должны разсмотрѣть также сіи относительныя должности.

1. Сношеніе мужа съ женою, производящее *супружескій союзъ*, есть по свойству своему изъ всѣхъ самотѣснѣйшее. Любовь долженствуетъ быть онаго основаніемъ, вѣрность поручительницею, ласковость подпорою, взаимное вспомоществованіе условіемъ, воспитаніе дѣтей главною цѣлію. Кромѣ сихъ естественныхъ должностей, есть должности *условленныя*, кои принадлежатъ къ законоискусству.

2. Отъ сего раждается еще сношеніе родителей съ своими дѣтьми. Должности *отцевъ* и

матерей требуютъ наипаче того, чтобы содержать, покровительствовать и воспитывать дѣтей своихъ въ началахъ добродѣтели, и слѣдственно вести ихъ къ благополучію; занимать ихъ упражненіями, приличными ихъ состоянію и опредѣленію, для ихъ выгоды и для пользы общества; наконецъ расположить сколько возможно, и обезпечить наилучшимъ образомъ состояніе и званіе ихъ. Горе родителямъ, кои по хладнокровію, небреженію, по излишнему снисхожденію или потачкѣ, по нехорошимъ началамъ или дурнымъ примѣрамъ не даютъ дѣтямъ своимъ сего благоразумнаго и пристойнаго воспитанія! Они должны отвѣчать за то потомству, обществу и Богу, котораго не исполняютъ намѣреній.

3. Должности *дѣтей* суть повиновенїе, почтенїе, признательность. Для добраго отца довольно быть благоразсудливымъ человѣкомъ; но чтобъ имѣть у себя добраго сына, то надобно ему еще быть добродѣтельнымъ человѣкомъ. Нравоученїе направляетъ отеческую любовь нужными увѣщанїями, и поддерживаетъ сыновнюю горячность самыми сильными побужденїями. Кто не хорошїй сынъ, тотъ безъ сомнѣнїя будетъ худой гражданинъ.

4. *Господа* такъ названы симъ именемъ по отношенїю къ ихъ рабамъ и къ особымъ должностямъ, происходящимъ также отъ справедливости и благотворенїя. Платить рабамъ, награждать ихъ услуги, употреблять противъ нихъ власть свою съ кротостїю, бодрствовать о ихъ

поведеніи и нравахъ, не обременять ихъ трудами, ниже оставлять ихъ въ бездѣліи и праздности, которая дѣлается для нихъ пагубною и опасною для общества, вотъ нѣкоторыя общія правила, располагающія поступками мудрыхъ и человѣколюбивыхъ господъ.

Рабы или служители обязаны быть вѣрными, покорными, послушными, внимательными къ выгодамъ господъ своихъ, прилѣжными въ своихъ дѣлахъ, и преисполненными почтенія къ тѣмъ, кои имѣютъ право повелѣвать ими.

Почему добродѣтель есть основаніе *благоразумной жизни*, зиждущей благополучіе семействъ, такъ какъ мудрость сихъ послѣднихъ сочиняетъ щастіе государства. Съ симъ *домашнимъ благо-*

разумѣемъ рачительность направляетъ упражненія семьи ; трудолюбіе и прилѣжность обнадеживаютъ объ успѣхахъ ея ; издержки, располагаемыя разумомъ и разчисляемыя умѣренностію, дѣлаютъ ея подпору. Но неподчиненность возмущаетъ ее, роскошь и разсѣянность изгоняютъ изъ ней пріятности, а своевольство совсѣмъ ее разрушаетъ, и ежели кто нещастливъ въ домашней жизни, тотъ нигдѣ благополучнымъ быть не можетъ.

КНИГА III.

Должности гражданина.

ГЛАВА I.

О началѣ гражданскаго общества и о первыхъ происходящихъ отъ онаго должностяхъ.

Человѣкъ не только есть *общежительное существо*, но еще *политическое*, то есть способное давать законы и учреждать уставы благочинія, для содержанія порядка и для повиновенія онымъ. Самыя страсти его дѣлаютъ сіи уставы столь же нужными, какъ и подчиненность.

Сперва человѣкъ родится въ зависимости отъ своихъ родителей, безъ которыхъ онъ не можетъ обойтися. Соединеніе его

съ другими семействами образуетъ государство, коего главная цѣль состоитъ въ величайшемъ благѣ наибольшей части нераздѣльныхъ лицъ, въ немъ заключающихся. Сїе начало становится равномѣрно основанїемъ, причиною, побужденїемъ должностей и правъ подданныхъ, также какъ правъ и должностей Государей (а).

И такъ главное общество почитаетъ существенную нужду за первое побужденїе; общее благополучїе поставляетъ своимъ предметомъ, а разумную подчиненность надежнымъ средствомъ: все сїе составляетъ начало совокупленїя людей для общей выгоды. Такое начало должно быть

(а) De la Politique naturelle 2 vol. in 8. Amsterd. 1773.

основанïемъ всѣхъ политическихъ учрежденïй, всѣхъ отраслей владычïя, всѣхъ гражданскихъ законовъ, всѣхъ экономическихъ распоряженïй, кои суть различныя части управленïя каждаго государства.

Слѣдовательно во нравоученïи или въ естественномъ правѣ должно находить существенные законы всѣхъ правительствъ. Сïи начала точно наблюдаемыя содѣлаютъ ихъ благоденствïе, прочность и продолжительность; благоразумные же граждане почерпнутъ изъ сего самаго источника побужденïя своей покорности, и узнаютъ, что имъ надлежитъ быть справедливыми, благотворительными и покорными изъ опасенïя, чтобъ не сдѣлаться несчастными.

И такъ общественныя должности происходятъ отъ тѣхъ же самыхъ началъ, отъ коихъ и всеобщія должности человѣка. Я хочу сказать отъ справедливости и благотворенія. Онѣ всѣ клонятся къ *повиновенію* со стороны подданныхъ, къ *покровительству* со стороны начальниковъ или Государя, и къ *патріотизму* въ разсужденіи всѣхъ нераздѣлимыхъ лицъ.

1. *Покорность* подданныхъ заключаетъ въ себѣ вѣрность, почтеніе и повиновеніе, кои обязуются они оказывать повелѣвающимъ для общественнаго блага (а).

2. *Покровительство*, свойственное Государю или началь-

(а) Смотри ниже кн. III. гл. VIII.

нику въ разсужденіи его подданныхъ, состоитъ въ законномъ употребленіи власти, дабы чрезъ то сохранить миръ, безопасность, свободу, собственность, и обезпечить всѣ права, коими пользуется каждой гражданинъ (а).

3. *Патріотизмъ*, къ которому обязываются всѣ граждане, состоитъ въ вѣрномъ исправленіи всякой должности, всякой услуги, порученной имъ для общественнаго блага, и во всегдашнемъ предпочтеніи общей пользы частнымъ выгодамъ и особымъ почестямъ.

Политика, знаніе правленія, гражданское любомудріе, право гражданское, право общественное, всеобщее законоискуство, подъ какимъ

(а) См. ниже кн. III. гл. IX.

бы именемъ ни означали мы науку, наставляющую людей вести себя благоразумно въ обществѣ, по отношенїю къ оному и членамъ его, и въ разсужденїи людей управляющихъ или управляемыхъ, командующихъ или повинующихся, сїя наука есть наиважнѣйшая. — Впрочемъ сїе знанїе не имѣетъ другихъ началъ, кромѣ нравоученїя, которое должно располагать во всемъ и всюду поведенїемъ Государя и подданныхъ, употребленїемъ власти повелѣвающихъ и покорными дѣйствїями повинующихся.

Когда правленїе учреждено и дѣйствуетъ по началамъ справедливости и благотворенїя такъ, что величайшее возможное число жителей столько подъ онымъ щастливы, сколько быть могутъ: то отъ сего раждается общее,

сильное и дѣйствительное чувствіе, называемое *любовію къ отечеству*. Сіе благородное чувствованіе бываетъ виною великодушнѣйшихъ пожертвованій для отечества и самыхъ героическихъ дѣйствій для общественной службы.

Почему *сія любовь къ отечеству*, яко начало патріотизма, есть живая и горячая привязанность къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ мы родились, какъ по причинѣ выгодъ, коими мы въ оныхъ наслаждаемся, такъ и по причинѣ благоизбраннаго правленія, коему произвольно подверглися; привязанность, подкрѣпляемая врожденнымъ побужденіемъ, привычкою, воспитаніемъ, взаимными обязательствами и отношеніями.

Слѣдственно истинная любовь къ отечеству не можетъ

быть, развѣ при хорошемъ правленїи, и когда сїе чувствованїе учинится всеобщимъ, то оно составитъ подпору, защиту, силу и славу государства. Но худое правленїе не погаситъ ли такого чувствїя? Тогда государство теряетъ свою силу, общественныя узы ослабѣваютъ, нравы повреждаются и мало по малу уменьшается всеобщее благосостоянїе. Исторїя снабжаетъ насъ чувствительными доказательствами сихъ истиннъ.

ГЛАВА II.

О законахъ гражданскихъ и законоискустве.

Цѣль *законовъ гражданскихъ* стремится къ тому, чтобъ обезопасить безмятежное наслажденіе правами всякаго члена въ обществѣ, и обязать его къ вѣрному исполненію его должностей узаконеніемъ общественной власти.

Когда законы гражданскіе постоянно написуются всеобщею выгодою, безъ благопріятства къ частному званію, то *внутренній разумъ*, или существенная причина покорности симъ законамъ есть та же самая, которая повелѣваетъ намъ повиноваться нравственнымъ законамъ природы, или законамъ Божескимъ.

Но какъ по дѣйствію ли заблужденій, или по пристрастію законодателей къ извѣстному классу сограждан; по сцѣпленію ли нѣкоторыхъ нехорошихъ видовъ, или по частной пользѣ нѣкоторыхъ, или управляющихъ особъ, или наконецъ по деспотизму (*) величайшее благо цѣлаго общества не всегда бываетъ разумомъ или виною закона: то *причины* повиновенія закону становятся *наружными*. Въ такомъ случаѣ зависятъ онѣ отъ страха наказанія, отъ нужды, отъ насилія подчиненности, и отъ

(*) Деспотизмомъ называется употребленіе неограниченной и независимой отъ законовъ власти. Оный господствуетъ у Турокъ и другихъ Азіатскихъ народовъ. (Примѣч. переводчика.)

опасенія, чтобы не разстроить болѣе общество.

Законоискуство разсматриваетъ гражданскіе законы. Оно есть знаніе, изъясняющее права человѣковъ въ обществѣ и имѣющее двѣ части, изъ коихъ первая относится къ ихъ *правамъ*, а вторая къ ихъ *покровительству*.

1. *Право* есть отношеніе одного лица къ другому; отношеніе, въ которомъ не можно ничего перемѣнить безъ согласія того же самаго лица или человѣка.

Нарушеніе права есть *обида*, производящая огорченіе, ежели она лично до насъ касается; есть-ли же относится къ другимъ, то причиняетъ негодованіе.

2. *Покровительство* правъ заключаетъ въ себѣ употребленіе всѣхъ средствъ, нужныхъ для

ихъ сохраненія, то есть предупрежденіемъ обидъ, или отраженіемъ оныхъ, или вознагражденіемъ, или наконецъ наказаніемъ за оныя.

ГЛАВА III.

О различіи правъ.

Есть *права личныя*, существующія въ лицѣ и въ естествѣ человѣка, въ его тѣлѣ, въ его органахъ, членахъ и природномъ оныхъ употребленіи, въ его душѣ, способностяхъ, дарованіяхъ, въ мысляхъ и законномъ оныхъ употребленіи. Личныя права людей называются *первобытными*, потому что они начинаютъ существовать съ ихъ бытіемъ.

Кромѣ сего есть еще права вещественныя, касающіяся до вещей, въ коихъ всякое лице мо-

жетъ имѣть исключительное употребленіе, какъ то въ стяжаніяхъ, въ собственности, въ естественной или законной власти.

Собственность составляетъ право всегдашнее, владѣніе приноситъ право во время употребленія. Власть даруетъ право надъ услугами и повиновеніемъ тѣхъ, кои должны быть намъ послушными. Права вещественныя бываютъ иногда первоначальными, какъ-то право отца, повелѣвающаго своими дѣтьми (а).

Впрочемъ вещественныя права называются также *приплыми*, то есть, различнымъ образомъ пріобрѣтенныя человѣкомъ въ теченіе жизни его, какъ-то

(а) Смотри кн. II. гл. VII. числ. 2 и 3.

стяжанія, собственность, власть (а).

Средства пріобрѣтать права должны всегда быть *законныя*, то есть, сообразныя нравственной справедливости. Оныхъ считается четыре рода: 1) *занятіе* вещи безъ нанесенія вреда другому, или такой вещи, которой никто одинъ употреблять не можетъ; 2) *трудъ*, посредствомъ котораго пріобрѣтается или приводится въ совершенство вещь, никѣмъ еще не присвоенная; 3) *условіе*, чрезъ которое двѣ свободныя стороны обязываются по доброй вѣрѣ исполнить или уступить то, что сосноитъ въ ихъ власти; наконецъ 4) *замѣна* убытка, которою одна

(а) Смотри Фергуссона Philos. morale пятую часть.

сторона обязывается удовлетворить за нанесенную обиду, или исправить причиненный вредъ.

Зако́ны гра́жданскіе располагаютъ всѣми сими правилами, но они должны всегда сіе производить по началамъ непремѣняемой справедливости.

ГЛАВА IV.

О правахъ власти.

Власть содержитъ въ себѣ, въ разсужденіи вышнихъ въ обществѣ, *право* повелѣвать; въ разсужденіи же низшихъ *обязательство* повиноваться.

Право повелѣвать, выключая отцовское, всегда почитается пріобрѣтеннымъ и основаннымъ *на договорѣ*.

Домашній договоръ есть взаимный между господиномъ и слугою, располагаемый по условіямъ и извѣстному обыкновенію, безъ уничтоженія естественнаго права (а). Почему всякое рабство противно справедливости, ежели оно сопровождаемо бываетъ жестокостію; но паче противно оно человѣчеству.

Гражданскій договоръ между начальникомъ и народомъ, или между Государемъ и подданнымъ, есть также взаимственный, съ тѣмъ только различіемъ, что постановленія и грамоты, утверждающія взаимныя условія, суть новѣе учрежденія обществъ. Но сіи постановленія не могутъ никогда отмѣнить естественныхъ правъ человѣка (б).

(а) Кн. II. гл. VIII. числ. 4.
(б) Смотри Цицерона fragment. de republ.

Слѣдовательно никакое условіе, никакое похищеніе не можетъ лишить человѣка первобытныхъ его правъ (а). Почему никто не родится рабомъ, ниже такимъ можетъ сдѣлаться, да и никакая власть не имѣетъ права учинять несправедливости, повелѣвать мыслями, или сдѣлать нещастливымъ человѣка, которой того не заслуживаетъ.

ГЛАВА V.

О учрежденіяхъ политическихъ.

Гражданскіе законы, предметы законоискуства, изданы ради сохраненія безопасности и свободы людей въ обществѣ, ради предупрежденія и вознагражденія обидъ. Но для внутренней и наружной безопасности гражданъ

(а) Кн. III. гл. 3.

потребенъ былъ еще въ каждомъ обществѣ образъ правленія и *политическія учрежденія*, располагающія онымъ благоразумно для благополучія народа.

Народъ или нація есть общество, независимое отъ всякаго другаго, состоящее изъ семействъ и многихъ людей, дѣйствующихъ согласно подъ направленіемъ и общею властію, для общаго ихъ благоденствія.

По сему народъ называется благополучнымъ, когда онъ состоитъ изъ величайшаго возможнаго числа людей щастливыхъ. Напротивъ того почитаютъ его бѣднымъ, когда великое число людей въ немъ не благополучны. Сіе благополучіе и сіе нещастіе обыкновенно происходятъ отъ политическихъ учрежденій.

Сїи учрежденїя можно разсматривать или по отношенїю къ народнымъ пособїямъ, составляющимъ предметъ *общественной экономіи*, или относительно къ народнымъ постановленїямъ, составляющимъ собственный предметъ *законовъ политическихъ*.

ГЛАВА VI.

О пособіяхъ народныхъ.

Народныя пособія заключаютъ въ себѣ число жителей, ихъ богатства и государственные доходы; все сїе составляетъ силу народа (а).

(а) Смотри Фергуссона пятую часть гл. 2.

Сила, происходящая отъ множества людей, бываетъ соразмѣрна ихъ согласію, нравственному ихъ характеру, ихъ рачительности, средствамъ пропитанія, и пространству занимаемой ими земли. Въ разсужденіи сего послѣдняго положенія сила ихъ находится въ обратномъ содержаніи съ занимаемымъ ими, сверьхъ нужнаго къ пропитанію, пространствомъ; лишь бы только земля была хорошо обработываема (а).

Дознано опытомъ, что посредственное государство удоб-

(а) Смотри наблюденія (les obſervations) Гг. Гума, Валласа и Дюкера о разумноженіи народа. Смотри также книгу Сусмильха о порядкѣ Провидѣнія въ разселеніи народа.

нѣе сдѣлать щастливымъ, нежели весьма обширное, и что люди, собранные въ чрезвычайномъ множествѣ въ большой городъ, развращаются и ослабляютъ государство.

Всѣ учрежденія, которыми обезпечиваютъ собственность, имѣніе, свободу лицъ; ободренія землепашества и рачительности; предупрежденіе обидъ, насилій и подрыву законнаго кредита, споспѣшествуютъ къ учрежденію семействъ, воспитанію дѣтей, и слѣдственно чрезъ сіе самое благопріятствуютъ разумноженію народа.

Народное богатство есть великая выгода, ежели оно служитъ къ содержанію полезныхъ людей, къ заведенію выгодныхъ учрежденій, или къ ссуженію на общественныя нужды. Все, со-

дѣйствующее къ пропитанію людей, почитается первымъ богатствомъ. Все, служащее къ выгодности и удобству, есть вторе; но служащее единственно къ роскоши и пышности не составляетъ никакой существенной пользы. Слѣдственно богатство какого нибудь государства состоитъ изъ его произведеній, изъ его природныхъ выгодъ, изъ рачительности жителей, и изъ пользъ, получаемыхъ отъ торговли, когда она не теряетъ своего равновѣсія.

Количество народнаго богатства, назначаемое для общественныхъ нуждъ государства, составляетъ *государственной доходъ*.

Сей общественной доходъ собирается или съ волостей, или съ земель, коихъ собственность

предоставляется земледѣльцамъ, или съ ежегодныхъ податей и пошлинъ.

Всѣми вѣками доказано, что для содѣланія народа благополучнымъ, не должно никогда отягощать его поборами, ниже притѣснять излишнимъ налогомъ личную его безопасность, или собственность помѣщика; что всегда нужно предпочитать ту подать, коея тягость менѣе примѣтна; и не употребляя ничего произвольнаго въ наложеніи оброковъ, собирать ихъ неудручительнымъ образомъ. Наконецъ не безъизвѣстно и сіе, что помѣщичьи налоги подлежатъ большимъ злоупотребленіямъ, нежели казенные (а).

(а) Смотри *Theorie de l'impot* Г. Мирабо и сочиненія Парижскихъ экономистовъ, особливо l' ordre social Г. Мерсье де ла Ривіеръ. Впрочемъ

ГЛАВА VII.

О народныхъ постановленіяхъ.

1. *Народныя постановленія* суть собранія уставовъ, законовъ, условій, пожалованныхъ грамотъ, преимуществъ, обыкновеній, которыми, яко составляющими *политическій законъ* государства, управляется нація.

2. *Законъ политическій естественный* есть собраніе нравственныхъ правилъ, по содержанію коихъ политическіе законы государства должны быть всегда разсматриваемы, судимы и сочиняемы. Чѣмъ болѣе сіи два рода законовъ сближаются между собою,

---

хотя о сей матеріи въ новѣйшія времена писано было весьма много, но мы не видимъ отъ того въ свѣтѣ почти никакихъ перемѣнъ.

тѣмъ законъ государственный становится совершеннѣе. Благоденствіе народовъ зависитъ наипаче отъ сей сообразности (а).

Въ самомъ дѣлѣ народныя постановленія усовершаютъ, или повреждаютъ нравы, попускаютъ гнѣздиться преступленію, или воспящаютъ оное, приближаютъ людей къ первоначальному равенству, или уставляютъ рабство одной части, сохраняютъ права частныхъ людей, или уничтожаютъ оныя, возвышаютъ душу, или унижаютъ ее, подаютъ поводъ къ злоупотребленіямъ, или предупреждаютъ оныя, производятъ въ немногихъ словахъ благополучіе, или нещастіе народовъ (б).

(а) Смотри кн. III. гл. 2.

(б) Монтескій въ *раз. законовъ* книг. IV.

Естественное нравоученіе снабжаетъ насъ здѣсь двумя началами, отъ которыхъ происходятъ всѣ правила, служащія къ составленію мудрыхъ политическихъ законовъ: первое, что всѣ они должны содѣйствовать къ сохраненію *безопасности народной*; второе, что они должны утвердить и обезпечить *благополучіе народа.*

1. *Безопасность народа* состоитъ въ спокойномъ и мирномъ наслажденіи правами всѣхъ гражданъ. Не льзя навѣрно воспрепятствовать, чтобы никто не злоумышлялъ противу правъ всякаго частнаго человѣка, но отъ правительства должно ожидать, чтобы озлобленный или притѣсненный, былъ защищенъ въ своемъ состояніи доспаточною си-

лою и безъ всякаго пристрастія. Почему въ правительствѣ надлежитъ быть мудрымъ законамъ, для содержанія во всей силѣ гражданскихъ правъ и законовъ противъ злодѣяній, которымъ бы законамъ всѣ граждане были равномѣрно подвержены. Наконецъ судьямъ должно быть честнымъ, праводушнымъ, здравомыслящимъ и неиспорченнымъ людямъ, кои бы довольно имѣли власти для прекращенія порока, но притомъ съ нѣкоторыми ограниченіями и надсмотромъ, дабы они не могли употребить во зло своей власти.

Главныя правила естественнаго нравоученія о наказаніи пороковъ суть: чтобъ наказаніе не было чрезмѣрно, ниже сопровождаемо мученіемъ и пытками, противными человѣчеству; чтобъ

оно было соразмѣрно злодѣяніямъ, и никогдабъ не превышало оныя. Ибо какъ цѣль его состоитъ наипаче въ исправленіи виноватаго, или въ отвращеніи другихъ отъ преступленія, то наказаніе не должно превосходить сей цѣли. — Лучше оставить безъ наказанія многихъ виновныхъ, нежели подвергнуть страданію или погубить одного невиннаго. — Всѣ пытки, уставляемыя для вынужденія признанія, суть несправедливы — одни только наружныя дѣйствія подлежатъ карательнымъ законамъ, но никогда мысли, заблужденія и душевныя намѣренія — никто не можетъ быть обязанъ къ свидѣтельствованію на себя самаго — обвиненный долженъ имѣть всѣ средства, всѣ пособія и нужное для защищенія себя время. — Необ-

ходимо нужно, чтобъ предписаны были формы уголовнаго судопроизводства, по силѣ которыхъ никогда бы не позволялось судьѣ погрѣшать. — Право отметать подозрѣваемаго судью по достаточнымъ причинамъ, основывается на естественномъ правѣ. — Въ законодательствѣ и уложенїяхъ надлежитъ остерегаться, чтобы не умножить случаевъ погрѣшенїя, подающаго поводъ къ злодѣянїямъ и казнямъ. Наконецъ мудрость законодателя оказывается въ предупрежденїи пороковъ полезными установленїями несравненно болѣе, нежели въ обнародованїи законовъ для наказанїя оныхъ, и проч.

2. Хотя *благоденствїе народа* и происходитъ отъ обезопасенїя правъ, но гораздо болѣе

отъ мудрыхъ учрежденій, изданныхъ для поддержанія добрыхъ нравовъ, для ободренія труда, рачительности, и для награжденія заслугъ и достоинствъ. Коль скоро должности разпредѣлены будутъ по способностямъ и личнымъ качествамъ въ государствѣ, то ободренное достоинство болѣе въ ономъ превозможетъ и усилится. Тогда всякой гражданинъ, въ которомъ не будетъ господствовать личная корысть, возлюбитъ свое отечество.

ГЛАВА VIII.

Должности подданныхъ.

Должности подданныхъ имѣютъ отношеніе къ Государю и вышшимъ начальникамъ въ гражданскомъ обществѣ. Онѣ основываются на узаконеніи религіи и совѣсти, а познаются изъ естественнаго нравоученія. Мы намѣрены упомянуть объ нихъ сокращенно.

1. *Повиновеніе* есть первая должность и основаніе всѣхъ прочихъ. Надобно покаряться законамъ, основаннымъ на естественномъ нравоученіи и утвержденнымъ существенными или внутренними причинами (а); зако-

(а) Кн. III. гл. 2.

намъ, кои не почерпнуты въ обильномъ оном источникѣ наружными причинами (а).

Ежели сіи законы будутъ несправедливы, или противны естественнымъ правамъ, то подданный долженъ въ семъ нещастномъ случаѣ или терпѣливо подвергаться казни, произносимой противъ страдательнаго непослушанія, или убѣжать изъ отечества, въ которомъ совѣсть его не позволяетъ ему дѣлать того, чего отъ него требуютъ; но ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ онъ права сопротивляться силою верьховной власти.

Мудрый и умѣренный Государь не можетъ отказать въ правѣ

(а) Тамъ же.

изслѣдованія, представленія, или доношенія о неудобствахъ ни обществу вообще, ни различнымъ палатамъ, учрежденнымъ для исполненія воли его, а еще менѣе народу или его представителямъ, ежели онъ ихъ имѣетъ.

Законодательство во всѣхъ правленіяхъ есть непосредственное дѣйствіе верьховной власти, равно какъ власть *судебная* и власть *исполнительная* должны быть ввѣрены посреднимъ между Государемъ и народомъ чинамъ. Слѣдовательно сіе законоданіе не можетъ поручено быть другимъ безъ того, чтобы къ нимъ не переведено было самовластіе.

Но сіе правило не изключаетъ ни содѣйствія совѣтовъ прежде обнародыванія законовъ, ни

наблюденія нѣкоторыхъ приличныхъ формъ при самомъ обнародованіи, ниже представленій послѣ возвѣщенія законовъ. Благоразуміе Государя, какой бы онъ ни былъ, неминуемо требуетъ, чтобы онъ имѣлъ уваженіе къ совѣтамъ и къ предлагаемымъ ему доказательствамъ.

Впрочемъ верьховная власть ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть раздѣлима. Она долженствуетъ быть ради блага общественнаго *единая*. Двѣ гражданскія власти, или одна полномочная гражданская, а другая церковная, независимая по нѣкоторымъ отношеніямъ, могутъ только подать поводъ къ раздорамъ, кои необходимо возмутятъ государство.

2. Кромѣ сего, подданный обязанъ еще защищать свое отечество. Онъ долженъ охотно всѣмъ

жертвовать, даже своею жизнію, ежели нужно для сего защищенія. Ибо ежели онъ отъ сего отрѣчется по робости или по невѣрности, то отечество имѣетъ право отвергнуть его, и онъ не можетъ жить въ ономъ съ честію.

3. *Гражданское благоразумїе* направляетъ всѣ поступки мудраго подданнаго и добродѣтельнаго гражданина. Оно состоитъ въ навыкѣ ко всѣмъ добродѣтелямъ, относящимся къ обществу и предержащей власти.

Я сказалъ *относящимся къ обществу*. Сїи добродѣтели суть справедливость, истинна, правдушїе, вѣрность, внимательность ко исполненію всѣхъ должностей своего государства и проч. Я сказалъ еще, *относящимся*

къ предержащей власти. Сіи качества суть осторожность, чтобъ говорить о Царѣ съ почтеніемъ, не мѣшаться въ публичныя дѣла безъ особеннаго вызову; убѣгать сообщенія съ безпокойными и возмутительными людьми, платить вѣрно за преимущества, давать учрежденные оброки и проч.

ГЛАВА IX.

Должности Государей.

Монархъ во всякомъ государствѣ, какой бы онаго ни былъ образъ правленія, Монархической ли, Аристократической, Демократической или смѣшанной, состоящій изъ различныхъ сихъ видовъ, Монархъ, говорю, долженъ

пользоваться всѣми правами, даруемыми ему верьховною властїю или самодержавїемъ.

Я не говорю здѣсь о *деспотизмѣ*, яко образѣ правленїя, потому что оный есть злоупотребленїе власти, которое можетъ вкрасться во всякїе виды, когда воля Монарха предана своенравїю или жестокости.

Права предержащей власти установлены самою природою, или цѣлїю учрежденїя обществъ, которая цѣль почитается величайшею общею выгодою.

Никогда Государь не могъ пріобрѣсти себѣ права вредить многимъ миллїонамъ людей, и никогда общество не могло дать ему того преимущества, чтобы онъ отнималъ силою собственность частныхъ, повелѣвалъ бы

ихъ мыслями, или принуждалъ ихъ совѣсть, и проч.

Равномѣрно нѣтъ ни одного случая, въ которомъ бы народъ имѣлъ волю отдѣлить *выгоды Государя* отъ выгодъ подданнаго. Во всякомъ правленіи, гдѣ сіи два рода выгодъ раздѣлены въ самомъ дѣлѣ, должны существовать безчисленныя злоупотребленія и безпрестанныя преткновенія между правомъ повелѣвать и обязательствомъ повиноваться.

Почему законное право Монарха состоитъ въ соблюденіи правосудія, въ наказаніи нарушающихъ оное, въ позволеніи и велѣніи всего, стремящагося къ общему благу, въ употребленіи народной силы для ослушниковъ, дабы заставить ихъ себѣ повиноваться. Для сего потребны пра-

во *законодательное*, право *понудительное*, право *судебное* и право *исполнительное* (а).

Слѣдовательно *должности Государей* и начальниковъ въ обществѣ основываются на цѣли совокупленія, и заключаются въ слѣдующихъ пунктахъ: установить справедливые законы, сродные характеру народовъ, способные содержать порядокъ и сохранять общественную безопасность, спокойствіе и собственность частныхъ; заставить соблюдать оные законы съ точностію и безпристрастіемъ; соразмѣрять наказанія злодѣяніямъ, награды услугамъ, ободренія пользѣ трудовъ; приводить къ позна-

(а) См. Traité de la politique naturelle и Пуффендорфа.

нїю Бога и поддерживать религію, столь нужную для владычествованія добродѣтели на земли; установить по отношенію къ богослуженію и догматамъ справедливую и благоразумную терпимость, помня, что мысли, мнѣнія, совѣсть и сердца испытуетъ единый Богъ; благопріятствовать изощренію разума, земледѣлію, полезнымъ художествамъ и торговлѣ, споспѣшествующимъ къ населенію многочисленныхъ семействъ и къ содѣланію народа богатымъ и щастливымъ; бодрствовать надъ публичнымъ *воспитаніемъ* и примѣромъ вышшаго класса сограждань, яко надъ двумя способами, образующими всеобщіе нравы. — Безъ добрыхъ нравовъ всѣ прочія выгоды народа суть яды, повреждающіе сложеніе и потомъ умерщвляющіе людей.

Искуство судить съ надежностїю обо всемъ томъ, что содѣйствуетъ всеобщей пользѣ государства; знанїе установлять правила своего правленїя; навыкъ сообразоваться съ сими правилами въ отправленїи дѣлъ: все сіе составляетъ *мудрую политику* и *благоразумїе Монарха.*

Для сего управляющимъ потребно знать: 1. *физическое состоянїе* земли, ея положенїе, произведенїя, разумноженїе народа, его силу во всѣхъ отношенїяхъ, и то, чѣмъ онъ можетъ сдѣлаться въ будущее время; 2. *нравственное состоянїе* ея жителей, ихъ мнѣнїя, предразсудки, страсти, ихъ характеръ въ отношенїи къ воспитанїю и обыкновенїямъ; 3. *экономическое состоянїе* различныхъ областей въ

нихъ самихъ и по отношенїю къ сосѣдамъ; знать, въ чемъ состоитъ изобилїе и недостатокъ, дабы промѣнъ, привозъ и отпускъ товаровъ распорядить надежнѣе; вѣдать неудобства настоящаго состоянїя вещей и средства къ отвращенїю оныхъ; наконецъ 4. нужно имъ знать *относительное состоянїе* своего государства, то есть отношенїя благопристойностей, нуждъ или зависимостей съ другими смежными или отдаленными государствами.

Въ сихъ различныхъ образахъ взиранїя на государство находятся однѣ вещи непремѣнныя, кои составляютъ *прочныя правила* мудраго правленїя. Другїя есть перемѣняющїяся, кои содѣлываютъ *преложныя* правила, смотря по обстоятельствамъ, или по внутреннимъ и внѣшнимъ от-

ношеніямъ (а); но всѣ сіи правила должны стремиться къ народному благоденствію, съ которымъ Монархово благополучіе не должно и не можетъ никогда быть раздѣлимо.

Таковы суть нѣкоторыя общія правила, извлеченныя изъ обязательствъ естественнаго нравоученія. Всѣ частныя должности каждаго Монарха и каждаго начальника въ обществѣ могутъ также выводимы быть чрезъ непосредственныя послѣдствія. — Для нашего плана довольно показать начала и порядокъ оныхъ. Теперь бросимъ мы взоръ на взаимныя должности народовъ.

(а) Смотри въ Ивердонской энциклопедіи статью Morale стр. 334 и слѣд.

КНИГА IV.

Должности народовъ.

ГЛАВА I.

Должности народовъ въ мирѣ.

Нравоученїе не токмо направляетъ граждань въ ихъ поведенїи между собою, относительно къ ихъ отечеству и Государю, но наставляетъ также и народовъ во взаимныхъ ихъ должностяхъ, коими они обязаны одни въ разсужденїи другихъ. Сїе нравоученїе, принаравливаемое отъ одного народа къ другому, называется *правомъ народнымъ*.

Ежели разсматриваются одни начала природы, то сїе право называется *естественнымъ*; есть-

ли же дѣла касаются до обычаевъ, до взаимности обыкновеній, до постановленій соглашенныхъ, трактатовъ клятвою утвержденныхъ, то сіе право бываетъ *соглашеннымъ* или *условленнымъ* (а).

Поелику два народа могутъ быть разбираемы, какъ два лица, то всѣ должности, всеобщія и естественныя, которыми человѣкъ обязанъ въ разсужденіи другаго человѣка, должны быть исполняемы вѣрно сими народами, во взаимномъ одного съ другимъ отношеніи, должности *спра-*

(а) Смотри Деватшеля le droit des gens; — Волфія jus gentium; — Гроція jus belli et pacis; — Пуффендорфа и Бюрламаки le droit naturel; — разсужденіе Викефорта о посланникахъ и проч.

ведливости, должности *благотворенія*, должности *вѣрности*.

Всеобщее доброжелательство долженствуетъ быть непремѣннымъ началомъ поведенія одного народа къ другому, и ежели бы сіе чувствованіе, внушаемое намъ природою и вѣрою, когда мы внимаемъ почтенному ихъ гласу, господствовало на земли, то бы мы не видѣли ее столь часто обагряемую кровію отъ тѣхъ жестокихъ браней, кои дѣлаютъ чтеніе исторіи всѣхъ временъ весьма отвратительнымъ, родъ человѣческой злополучнымъ, а созерцаніе происходящаго въ мірѣ огорчительнымъ для чувствительной души.

И такъ сіе здравое нравоученіе, разсматриваемое отъ народа къ народу, научаетъ, какимъ образомъ должно сохранять

миръ, почитать права собственности и взаимныя владѣнія; какимъ образомъ дѣлать справедливые договоры, когда оныхъ требуютъ общія выгоды; оно показываетъ необходимость соблюдать ихъ вѣрно и рачительно, толковать ихъ право и по доброй вѣрѣ, предупреждать разрывы, и договариваться о примиреніи въ разумѣ мира.

Для подробнѣйшаго свѣденія сихъ должностей отсылаемъ мы Читателя къ авторамъ, писавшимъ пространно о сихъ матеріяхъ, особливо къ Девателю, Гроцію, Бюрламаки и проч. А здѣсь ограничимъ только себя нѣкоторыми общими правилами, сообразными началамъ справедливости и всеобщаго доброжелательства.

1. Всѣ народы, яко независимые, имѣютъ право управляться сами собою по законамъ, приличествующимъ благу наибольшаго числа подданныхъ такъ, что никто не можетъ имъ въ томъ воспрепятствовать. Занимаемая ими земля, и все въ оной учрежденное, пріобрѣтенное или усовершенное раченіемъ ихъ, принадлежитъ имъ по правамъ собственности, которую никто не долженъ приводить въ разстройство, ниже трогать или похищать оную.

2. Всякой народъ, презирающій другаго, или предающійся ненависти и зависти, уничтожаетъ мало по малу связь повсемѣстваннаго общества и нарушаетъ болѣе или менѣе законы справедливости. Слѣдовательно всѣ

остряки и владѣтельные особы, возжигающіе своими разсужденіями или властію народной фанатизмъ, сіе гражданское умоизступленіе, которое не къ стати называется ими почтеннымъ именемъ *любви къ отечеству*, истребляютъ чувствованія природы. Ревнивость одного народа къ другому многократно подавала поводъ къ кровопролитнымъ бранямъ, или препятствовала дружескому согласію, которое бы предупредило опустошенія и жесточайшія для человѣчества бѣдствія.

3. Между всѣми народами существуетъ первобытное нѣкое братство и потаенный союзъ. Для сей самой причины долженствуютъ они во всѣхъ нуждахъ и злополучіяхъ подавать другъ другу вспоможеніе, котораго об-

стоятельства требуютъ и человѣчество предписываетъ. Ни разстояніе мѣстъ, ни различіе правленій, ни разность языка или религіи не могутъ позволить отрещись отъ таковой помощи, а еще менѣе преднамѣренія жадности. Почему живущіе въ изобиліи народы должны поправлять другихъ недостатки, а особливо отвращать претерпѣваемый ими голодъ.

4. Сосѣдство двухъ народовъ утверждаетъ между ими, ежели они внимаютъ гласу природы, существеннѣйшій союзъ и тѣснѣйшее братство, изъ чего происходитъ обязательство особеннѣйшихъ взаимныхъ услугъ.

5. Мѣнная торговля съѣстными припасами у народа съ народомъ ведетъ первобытное свое начало отъ благотворенія. Тор-

говля на серебро и деньги, имѣющая предметомъ своимъ прибытокъ, произошла первоначально отъ жадности. Первая укрѣпляетъ узы доброжелательства, другая способна только къ ослабленію оныхъ и повреждѣнію нравовъ. Отъ сей послѣдней часто воспламеняются также пагубныя брани, причиняемыя совмѣстничествомъ въ торговлѣ. Сверьхъ сего войны, зависящія отъ гордости, войны за религію, войны по поводу сребролюбія, вотъ самыя обыкновенныя причины злополучія народовъ, кои побѣждая или побѣждаясь, претерпѣваютъ всегда болѣе или менѣе разоренія, навлекаемаго необходимо войною.

ГЛАВА II.

Должности народовъ во брани.

ЧЛЕНЪ I.

О причинахъ войны.

1. Между народами дѣйствїя Государя или употребляемыхъ имъ чиновниковъ, могутъ быть почитаемы дѣйствїями цѣлаго народа, когда Монархъ не оппираетсп отъ оныхъ и не вознаграждаетъ оскорбленїя или убытка. Самое дѣйствїе частнаго человѣка можетъ вмѣнено быть народу, когда государство покровительствуетъ ему въ семъ случаѣ.

2. Народъ можетъ также понести обиду въ одномъ изъ своихъ членовъ, когда государ-

ство, покровительствуя сему подданному, такъ какъ и должно, не получаетъ никакого за то удовлетворенія по благопристойномъ онаго требованіи.

3. Наконецъ одинъ народъ можетъ непосредственно претерпѣть отъ другаго уронъ въ своей землѣ, въ своихъ собственностяхъ, владѣніяхъ, или въ своей законной власти.

Оскорбленный или обиженный народъ имѣетъ право употребить мщеніе противъ лица, или противъ дѣйствій какого нибудь подданнаго той націи, отъ которой происходитъ обида.

Но не прибѣгая прежде къ симъ средствамъ, мудрая умѣренность, любовь къ человѣчеству и уваженіе нещастій, привлекаемыхъ войною, долженствуютъ побудить къ учиненію при-

личныхъ представленій, къ требованію справедливыхъ за уронъ награжденій, и къ избѣжанію, чрезъ примирительные способы, войны толико пагубной какъ для побѣдителей, такъ и для побѣжденныхъ. Сіи представленія должны всегда предупреждать непріятельскія дѣйствія, ежели безопасность то дозволяетъ.

Почему *справедливая* война познается изъ того, когда нанесенная обида, или впредь имѣющая быть съ очевидною достовѣрностію причинена, есть довольно знатная. Въ такомъ случаѣ Государь смѣло можетъ объявлять, что онъ подвергаетъ подданныхъ своихъ печальнымъ слѣдствіямъ праведной брани. Естьли же война начинается по легкомыслію, по видамъ честолюбія, по желанію увеличить

себя чрезъ завоеванїя, по любви къ ложной славѣ, по жадности къ сребролюбїю, по предосудительной страсти, или для удовлетворенїя гордости: то Государь подвергаетъ своихъ подданныхъ неизбѣжнымъ нещастїямъ неправедной войны.

ЧЛЕНЪ II.

Какїя должно наблюдать правила въ войнѣ прежде побѣды.

Цѣль войны есть побѣда, дабы получить удовлетвореніе за обиду и убытки, дабы возвратить потерянное, и прїобрѣсть безопасность на будущее время.

Старающемуся достигнуть сей цѣли надлежитъ слѣдовать правиламъ, кои внушаетъ человѣколюбїе.

1. Непрїятельскїя дѣйствїя во брани почитаются законными только тѣ, кои необходимо нужны для полученїя побѣды. Всякое зло, причиняемое безъ нужды по единому мщенїю, по сребролюбїю, жестокости, или по ненависти, есть болѣе или менѣе противно правиламъ умѣренности, справедливости и человѣколюбїя.

2. Вѣроломство, злобныя покушенїя и проч. были бы разорительны для человѣческаго рода и ввели бы въ оной гибельной примѣръ. Они несносны человѣчеству и противны поведенїю умѣренныхъ народовъ, принужденныхъ вести войну.

3. Когда непрїятелю можно съ безопасностїю даровать животъ, то, отказать ему въ ономъ, было бы жестоко и подло; равно-

мѣрно заставлять обезоруженныхъ подданныхъ претерпѣвать такія бѣдствія, отъ коихъ бы можно ихъ освободить, есть лютое варварство.

4. Имѣніе и вещи непріятеля можно захватывать во всякомъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ ни находился, лишь бы только не оскорбить и не нарушить правъ неутральной націи, или невинной стороны.

5. Какъ скоро одержанными преимуществами надъ непріятелемъ получено довольное удовлетвореніе, или приличное возмездіе за нарушенныя свои права и для будущей безопасности, то справедливость велитъ искать тогда мира. Простирать же далѣе злобу или мщеніе, домогаться большихъ выгодъ по честолюбію или жадности, значитъ поступать

противъ всѣхъ правилъ человѣчества и уважать болѣе страсть свою, нежели кровь человѣковъ, то есть своихъ подданныхъ и непрїятелей.

6. Плѣнники, захваченные съ оружїемъ, могутъ безъ сомнѣнїя быть задержаны, доколѣ продолжится война и доколѣ не получится вознагражденїе за убытки и вѣрная безопасность. Но мучить ихъ, или несправедливо принуждать ихъ, чтобъ они служили противъ своего Государя, или наконецъ удерживать ихъ внѣ отечества противъ воли ихъ, было бы безчеловѣчно.

7. Ежели имущество неутралной нацїи попадется въ руки непрїятеля, которое по свойству своему можетъ поддерживать войну, или продолжить оную съ большею удобностїю,

какъ на пр. оружїе, воинскїе снаряды, съѣстные припасы, то надлежитъ оное захватывать, лишъ бы только симъ не причинить обиды неутральному народу.

ЧЛЕНЪ Ш.

Какїя должно наблюдать правила послѣ побѣды.

Побѣдитель, употребляющїй во зло свои преимущества послѣ побѣды, и не слѣдующїй правилам справедливости и благопристоенїя, показываетъ себя низкимъ и безчеловѣчнымъ. Есть уставы, кои долженъ онъ уважать даже среди блистательнѣйшихъ своихъ успѣховъ. Вотъ нѣкоторые изъ оныхъ, предписуемые нравоученїемъ.

1. Побѣдитель можетъ пользоваться своими доспѣхами для обезпеченія нарушенныхъ его правъ, для полученія удовольствія за причиненный ему вредъ, для приведенія себя въ безопасность отъ несправедливыхъ предпріятій, наконецъ для вознагражденія потерей и издержекъ, пожертвованныхъ имъ въ продолженіе войны.

2. Успѣхъ во брани никогда не составляетъ права. Почему нравоученіе не признаетъ *права завоевательнаго*, но лучше почитаетъ право требованія за убытки, издержки и вредъ.

3. Побѣдитель не пріобрѣтаетъ никакой собственности у плѣнныхъ или у подданныхъ побѣжденнаго непріятеля, такъ какъ онъ пріобрѣтаетъ сію добычу законнымъ образомъ, захватывая имущества ихъ во время войны.

4. Ежели въ вознагражденіе урона непріятельская провинція останется во владѣніи побѣдителя; естьли онъ удержитъ ее за собою, дабы обезопасить и предохранить себя отъ новыхъ покушеній, или ежели онъ предъявляетъ древнія на оную права, кои успѣхами его приводятся опять въ прежнюю силу: то уступленные, завоеванные или удержанные подданные, не могутъ потерять ничего изъ своихъ преимуществъ, ни яко человѣки, ни яко граждане. Завоеватель или новой Монархъ не имѣетъ также никакого права надъ сокровищами сихъ новыхъ подданныхъ, дабы ихъ ограбить, ниже надъ ихъ лицами, дабы перевезти ихъ въ другое мѣсто противъ желанія, или чтобъ сдѣлать ихъ холопами и невольниками, ниже надъ ихъ совѣстію, дабы прину-

дить ихъ къ оставленію богослуженія и вѣры ихъ. Напротивъ того взирая на новопріобрѣтенныхъ своихъ подданныхъ какъ на людей, для благополучія коихъ призванъ онъ споспѣшествовать всею своею силою и властію, обязывается нравоученіемъ неусыпно бдѣть о ихъ безопасности, свободѣ и благосостояніи.

Но сего будетъ довольно, дабы показать, что всѣ дѣйствія и поступки человѣка, разсматриваемаго во всѣхъ его, какихъ бы то ни было, отношеніяхъ, располагаются нравоученіемъ, и что исполненіе должностей сея нравственности содѣлалось бы источникомъ благополучія человѣческаго какъ во времени, такъ и въ вѣчности. Блаженны бы были смертные, ежели бы всѣхъ ихъ умы, сдѣлавшись живѣе и дѣя-

тельнѣе, довольно убѣждались сею истинною; ежели бы всѣ сердца равномѣрно ею прогались, и если-ли бы всѣ воли ихъ ограничивались сими началами! Тишина, справедливость, доброжелательство воцарились бы тогда во всемъ мірѣ, а съ оными купно щастїе и благоденствїе. Земля сдѣлалась бы изображенїемъ неба и того райскаго общества, въ которое добродѣтельныя души будутъ навсегда приняты (а).

(а) Смотри Цицерона de Senectute.

КОНЕЦЪ.

2018550837